

Вячеслав Чирикба

**Развитие абхазского языка в условиях
полиэтнического общества:
вызовы и перспективы**

Языки малых народов и наций и угроза их существованию

Как известно, язык является неотъемлемой частью культуры и важнейшим инструментом человеческой цивилизации. Имеются языки, на которых говорят миллионы людей, например, китайский, испанский или английский, и языки, на которых говорят очень маленькие коллективы, иногда даже размером с деревню или даже маленькую группу в одной деревне. В наш век глобализации и массовой коммуникации, малые языковые сообщества, к числу которых относится и абхазоязычное общество, испытывают огромное давление со стороны больших языковых сообществ. Они вынуждены вступать с ними в жесткое соревнование в борьбе за существование и даже выживание. И очень часто эту неравную борьбу они проигрывают и, к сожалению, исчезают. В целом, ситуация с языковым разнообразием весьма тревожна. Как полагают лингвисты, в нынешнем столетии половина из 6000 языков, на которых сейчас говорят в мире, вымрет.

Каждый язык, независимо от того, принадлежит ли он большому или малому коллективу, является частью общечеловеческой цивилизации. Каждый язык является продуктом длительного процесса исторического развития и обладает уникальной, только ему присущей грамматической структурой и словарем. Кроме того, язык является существенным фактором идентичности человеческих сообществ. Исчезновение языка очень часто знаменует собой в то же время и смерть определенного сообщества, конечно, смерть не физическую, но смерть культуры, смерть определенной языковой цивилизации, что не менее трагично. И наиболее близкой иллюстрацией для нас к нынешнему обсуждению является, конечно, печальная судьба убыхского языка.

В функционировании языков играют роль весьма тонкие механизмы. Порой не вполне понятно, почему одни малые языки, будучи даже, казалось бы, в совершенно неблагоприятных условиях, проявляют устойчивость и упорно сохраняются (например, цыганский язык), тогда как другие языки, на которых говорят большие

коллективы, терпят поражение, ими перестают пользоваться и передавать следующему поколению.

Если посмотреть на примеры из современности, случаями, вселяющими оптимизм, является ситуация с баскским языком в Испании и с уэльским (или валлийским) языком в Великобритании. Уникальным примером возрождения практически мертвого языка является иврит, ныне полноценно функционирующий язык государства Израиль. Имеются также попытки восстановить кельтский корнский язык, на котором вплоть до XIX века еще говорили на юго-западе Великобритании.

Тем не менее, таких примеров немного, более часто мы наблюдаем противоположную ситуацию – быструю сдачу тем или иным языком малочисленного социума своих позиций и даже исчезновение языка. И это может происходить порой, казалось бы, во вполне благоприятной для сохранения языка среде. Возьмем для примера кельтский язык Республики Ирландии, являющийся официальным языком этого государства: несмотря на значительную государственную поддержку, в том числе финансовую, большинство населения Ирландии предпочитает говорить на английском, а не на ирландском языке.

Анализируя последний пример, можно предположить, что в определенных случаях язык проходит *точку невозврата*, когда уже становится почти невозможным мотивировать людей использовать этот язык и передавать его следующему поколению. Кстати, это напрямую не зависит от числа людей, говорящих на этом языке: оно может быть вполне значительным, но ситуация, тем не менее, может быть достаточно драматичной – сравните для примера кавказские языки в Турции, на которых все еще говорят десятки тысяч людей, однако детям эти языки уже, за редкими исключениями, не передаются. Ясно, что со смертью последних взрослых носителей языки эти в Турции исчезнут.

Естественно, если носителей языка миллионы, то можно не опасаться за судьбу этого языка. Однако порой даже в случае значительных языковых коллективов абсолютных гарантий беспроблемного развития нет. Сравните, например, исторические процессы романизации Галлии (нынешняя Франция), Иберии (Испания) и Дакии (Румыния), которые происходили в условиях подавляющего численного превосходства носителей местных языков – галльского, иберийского и дак-

ского. И, тем не менее, высокий социальный престиж и важная экономическая и административная роль латинского языка привели к скорой и полной утрате галлами (будущими французами), иберами (будущими испанцами) и даками (будущими румынами) их языков и переход на официальный язык империи.

Возвращаясь к современности, можно привести пример с украинским языком. Хотя в советское время на Украине украинским языком владело большинство ее многомиллионного населения, на практике, за исключением западных и ряда центральных регионов, в городских центрах им пользовались мало. И лишь после обретения Украиной независимости и принятия правительством довольно агрессивных мер по насаждению государственного украинского языка, что не обошлось и не без перегибов, украинский язык был практически возрожден и ныне ему ничто не угрожает.

Таким образом, фактором устойчивого сохранения языка является не только число его носителей, хотя и это чрезвычайно важно для его полноценного функционирования, а социальный статус языка, его престижность, и та роль, которую данный язык играет в социально-экономической и культурной жизни данного общества.

Среди факторов, которые могут нарушить баланс и вызвать угасание языка, является смена социально-экономической среды его носителей. С этой точки зрения показательна ситуация в Дагестане. Здесь, в отличие от многих других мест на Земле, многие, даже весьма малочисленные языковые коллективы, проявляют устойчивую тенденцию к росту, нет признаков угасания языков, даже в условиях многоязычия и определенного давления со стороны языков соседних больших групп. Тем не менее, ситуация радикально меняется, когда часть этих маленьких сообществ переселяется с горных аулов на плоскость, где, в новой для них социально-экономической среде, они довольно быстро прекращают пользоваться родным языком и переходят на язык(и) своих более многочисленных и экономически более преуспевающих соседей.

Таким образом, очень важно знать все факторы и механизмы, которые могут представлять потенциальную опасность для нормального функционирования язы-

ка. Это знание позволит предпринять своевременные меры, направленные на нейтрализацию негативных эффектов того или иного фактора.

Обычно ситуация с каким-то языком считается угрожающей, когда его носителей остается лишь несколько тысяч или даже менее, и когда язык уже не передают новому поколению; со смертью последних говорящих на этом языке и язык их тоже можно считать вымершим. В настоящее время в Европе и Азии имеется ни больше, ни меньше 90 языков, которые считаются почти вымершими, поскольку осталось лишь несколько пожилых людей говорящих на этих языках.

Хорошо известна трагическая судьба убыхского языка, все носители которого в 1864 году были изгнаны царской Россией из родных земель в Турцию. Мне посчастливилось познакомиться с последним знатоком убыхского языка, Тевфигом Эсенчем, в декабре 1991 года в его родном селе Хаджи Осман Кёйю на северо-западе Турции и пообщаться с ним в течение нескольких часов. Тогда ему было 86 лет, и он был уже достаточно слаб. Во время этого краткого визита меня особенно поразила следующий факт. По моей просьбе Тевфик-бей диктовал мне слова и фразы убыхского языка, а затем стал рассказывать историю своей семьи и своих предков, среди которых были и абхазы. Я вслушивался в звуки этого удивительного языка, производящего порой впечатление странной смеси абхазского и адыгейского языков, ни на минуту не забывая, что Тевфик Эсенч был *последним* на земле человеком, для которого убыхский язык был родным. В определенный момент Тевфик усмехнулся, так как, по-видимому, его рассказ подошел к какому-то забавному моменту. Слушая этот смешок, я почувствовал грустную иронию, потому что никто на всей земле кроме Тевфика уже не может оценить этот юмор, рассказанный на убыхском языке. 7 октября 1992 года, в возрасте 88 лет, Тевфик Эсенч скончался. Эту дату, 128 лет после депортации убыхов в Турцию, можно считать датой окончательной гибели убыхского языка.

Имеются и случаи, когда на языке говорит все еще достаточно большое число носителей, но они, по той или иной причине, перестают передавать родной язык молодому поколению, предпочитая общаться с ним на другом языке. Такова ситуация, как упоминалось выше, с языками кавказских диаспор в Турции и в странах Ближнего Востока. И здесь также исчезновение языков – лишь вопрос времени, ес-

ли, конечно, данными языковыми сообществами не будут предприняты какие-то чрезвычайные меры по возрождению языка и обучению его молодежи.

Этнодемографические процессы в Абхазии в XIX-XX веках

До 1864 года основная территория распространения абхазского языка включала всю историческую Абхазию между реками Ингур на юго-востоке и Хоста на северо-западе. По завершении Русско-Кавказской войны в 1864 г., территория распространения абхазского языка значительно сократилась, что явилось результатом целенаправленных этнических чисток и депортаций абхазов в Османскую империю. Такие группы абхазов как цабалцы, гумцы, абжаквинцы, псхувцы, айбговцы, ахчыпсоу, цвыжи и садзы были полностью выселены или были вынуждены покинуть пределы Абхазии. Кроме того, была вынуждена эмигрировать в Османскую империю также значительная часть бзыпских и определенная часть абжуйских абхазов. В результате, к последней четверти XIX века Абхазия лишилась около 60% своего коренного населения.

Опустевшие после депортаций абхазские территории заселялись мегрелами, грузинами, сванами, русскими, казаками, молдаванами, эстонцами, немцами, болгарями и другими группами. Кроме того, в рамках программы по обмену населением между Российской и Османской Империями, на территорию России, в том числе в Абхазию, переселялись из Турции амшенские армяне и понтийские греки. Так были заложены основы полиэтнического характера населения Абхазии. Следует отметить, что между абхазами и новоприбывшими группами никаких существенных конфликтов на межнациональной почве не возникало.

Тяжелые испытания выпали на долю народа Абхазии в мрачный период сталинизма. С конца 1930-х и вплоть до начала 1950-х годов под патронажем Сталина и Берия, в рамках политики грузинизации Абхазии, проводились широкомасштабные акции по переселению десятков тысяч грузин, мегрелов и сванов из Грузии в Абхазию. Очевидной целью этих мероприятий, которые привели к резкому снижению удельного веса коренного населения, было изменение демографической

ситуации в республике в пользу картвелов.¹ Этническая колонизация, а также насильственная языковая ассимиляция абхазов были направлены на то, чтобы сделать обладание Грузией Абхазии необратимым.

Именно в этот период имели место и широкомасштабные репрессии против абхазского языка, которые включали в себя перевод абхазской письменности с латинской графики на грузинскую, перевод обучения в абхазских школах на грузинский язык, непонятный большинству абхазов, закрытие абхазских школ, прекращение передач абхазского радио, замену большого числа древних, исторических названий мест в Абхазии на вновь придуманные грузинские и т.д.

Таким образом, в результате целенаправленных и масштабных демографических манипуляций, осуществлявшихся вначале царской Россией, а затем Советской Грузией, абхазы, которые до 1864 г. составляли подавляющее большинство населения Абхазии, к началу XX-го века, впервые в своей истории, оказались лишь меньшинством на собственной земле.

Следующие таблицы, имеющие источником ряд изданий (см. История Абхазии. Гудаута: Алашара, 1993, с. 208, 209; С. Лакоба. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, Алашара, 1990, с. 99; Г. Лежава. Изменение классово-национальной структуры населения Абхазии (конец XIX – 70-е гг. XX в.). Сухуми, 1989, с. 25-26; В. Шария. Абхазская трагедия. Сочи, 1994, с. 12, 13) демонстрируют драматическое сокращение удельного веса абхазского населения в Абхазии за последние сто лет, и существенное увеличение числа новых этнических групп.

Изменения этнической ситуации в Абхазии в 1886-1989 гг. (население в тысячах).

¹ *Картвелы* – общий научный термин для обозначения родственных по языку «картвельских» этнических групп (грузин, сванов, мегрелов и лазов), наиболее крупной из которых являются собственно грузины. Только носители мегрельского и лазского языков могут понимать речь друг друга без обращения к третьему языку, так же, как, например, украинцы понимают русских. Степень близости между грузинским и другими картвельскими языками примерно такая же, как между русским и литовским, то есть взаимопонимание при общении на своих родных языках является невозможным. В Грузии эта задача решается тем, что мегрелы и сваны в школах обучаются на грузинском языке, а обучение на мегрельском и сванском языках запрещено.

Год	1886	1897	1926	1939	1959	1970	1979	1989
Все население	68,8	106,179	212,033	311,9	404,7	487,04	486,082	524,161
<i>абхазы</i>	58,963 ²	58,697	55,918	56,197	61,193	77,276	83,097	93,267
<i>картвелы</i>	4,166 ³	25,875 ⁴	67,494	91,967	158,221	199,595	213,322	242,304
<i>армяне</i>	1,049	6,552	34,7	49,7	64,4	74,9	73,350	76,524
<i>русские</i>	971	5,135	20,456	60,201	86,715	92,889	79,730	74,416
<i>греки</i>	2,149	5,393	27,0	34,6	9,1	13,1	13,6	14,7
другие	1,702	4,527	6,0	19,2	25,0	29,2	23,5	25,8

*Изменения этнической ситуации в Абхазии в 1886-1989 гг.
(население в процентах).*

Год	1886	1897	1926	1939	1959	1970	1979	1989
все население	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0
абхазы	85.7	55.3	26.4	18.0	15.1	15.9	17.1	17.8
картвелы	5.8	22.4	31.8	29.5	39.1	41.0	43.9	45.7
армяне	1.9	6.1	16.4	15.9	15.9	15.4	15.1	14.6
русские	1.4	4.8	9.6	19.3	21.4	19.0	16.4	14.3
греки	3.0	5.0	12.8	11.1	2.3	2.7	2.8	2.8
другие	2.1	2.9	2.9	6.2	6.2	6.0	4.7	4.7

*Этнический состав городов и районов Абхазии по переписи 1989 года
(население в тысячах).*

национальность	Сухум	Гагра	Гудаута	Сухумский	Гулрыпш	Очамчыра	Ткварчал	Гал
	город	район	район	район	район	район	город	район

² Данная цифра отражает ситуацию уже *после* насильственного выселения абхазов (мухаджирства).

³ Из этого числа 3,558 были мегрелы и лазы, 608 грузины (см. История Абхазии, с. 208).

⁴ Из этого числа 23,810 были мегрелы, 2,065 грузины (см. История Абхазии, с. 209).

Все население	119,2	77,0	57,5	39,5	55,0	75,4	21,7	78,8
абхазы	14,9	7,0	30,5	2,0	1,3	27,6	9,2	0,3
картвелы	49,4	21,6	7,9	17,5	29,0	34,8	5,1	74,2
армяне	12,2	22,9	8,9	1,6	13,9	6,2	0,3	0,5
русские	29,7	21,6	8,8	3,4	8,6	5,3	6,1	3,1
греки	7,4	0,9	0,6	4,1	1,1	0,2	0,1	0,2
другие	5,4	3,2	1,0	0,9	1,1	1,6	0,9	0,5

Рост абхазского населения, таким образом, происходил путем естественного воспроизводства, а всех других групп, в первую очередь картвелов – сочетанием естественного прироста и почти непрекращающейся, вплоть до войны 1992 года, иммиграции извне Абхазии. При этом следует подчеркнуть, что к 1992 году ни одна из этнических групп, даже численно преобладавшие картвелы, не составляла в Абхазии абсолютного большинства.

Этнические общины в Абхазии и этноязыковая ситуация

До войны 1992-1993 гг. самой крупной национальной общиной (45% населения Абхазии) были картвелы, которые состояли по происхождению из нескольких групп.

Во-первых, это *самырзаканские мегрелы*, чья этническая история довольно сложная: частично они представляют собой мегрелизированных абхазов, жителей исторической области Самырзакан (названной по имени владельца этого региона, абхазского князя Мырзакана Чачба). Об этом, в частности, свидетельствуют и их абхазские, слегка мегрелизированные фамилии, например, Лакербая (из Лакрба), Бутбая (из Бытѣба), Званбая (из Жѣанба), Шхвацабая (из Ашѣхѣацаа), Колбая (из Калгѣба), Кецбая (из Қѣацба), Лацузбая (из Лацѣышба) и др. Другая часть самырзаканцев представляет собой мегрелов, чьи предки в течение нескольких веков пере-

селялись в эту область Абхазии из соседней Мегрелии, переходя под покровительство местных абхазских феодалов.

Длительное абхазо-мегрельское взаимодействие в границах Самырзакана, при непрекращающемся переселении мегрелов в эту провинцию Абхазии из соседних районов Мегрелии, привело к лингвистической мегрелизации большинства абхазского населения области (за исключением села Чхуартал, сохранившего абхазский язык), а с другой стороны, к развитию особого самырзаканского говора мегрельского языка, испытавшего сильное абхазское воздействие. Определенная часть населения Самырзакана продолжает считать себя абхазами, но большая часть уже идентифицирует себя в качестве «грузин», несмотря на то, что их родным языком является не грузинский, а мегрельский. Мегрелы обладают собственным языком, который непонятен грузинам, хотя и является ему дальнеродственным.

Вторая, немногочисленная часть «грузин» Абхазии представляла собой потомков мегрелов (*маргали*), грузин (*картвели*) и сванов (*мушвен*), переселявшихся в районы Абхазии после того, как коренное абхазское население было изгнано царской Россией в Турцию в середине XIX века.⁵ К концу XIX и началу XX века относится и переселение в верховья Кодорского ущелья Абхазии этнических сванов, происходящих из высокогорного региона Сванетия, граничащего с Абхазией – их поселения образовали т.н. «Абхазскую Сванетию». Наконец, третья и самая большая часть «грузин» представляет собой выходцев преимущественно из западногрузинских провинций Гурия, Имеретия и Рача-Лечхуми, а также этнических мегрелов и сванов, которые были переселены в Абхазию в 1930-х – 1950-х годах в рамках политики грузинизации Абхазии.

Все «грузины» (точнее, картвелы) в Абхазии являются православными христианами, последователями автокефальной грузинской церкви. Большинство их в результате войны 1992-1993 гг. покинуло пределы республики. Значительная часть самырзаканцев (около 55 тысяч), однако, в послевоенный период вернулась в Галский район.

Армяне Абхазии (самоназвание *хай*) представляют собой потомков иммигрантов, которые переселялись сюда начиная со второй половины XIX века, бежав

⁵ Часть их была впоследствии ассимилирована абхазами и волилась в состав абхазской нации.

от насильственной исламизации и кровавых преследований, а также по экономическим причинам, из областей северо-восточной Турции. Армянская община Абхазии состоит из двух основных групп. Первая, самая крупная группа, представлена *амшенскими* армянами (арм. *хамшенци*), подразделяемыми на более мелкие группы *ордеци* (выходцы из района Орду), *джаникци* (выходцы из района Джаник/Самсун) и трапезундских армян (*тирабизонци*, выходцы из города Трапезунд/Трабзон).⁶

Вторая, немногочисленная группа, представлена *артвинскими* армянами, происходящими из города Артвин и его окрестностей на северо-востоке Турции. Армянские группы Абхазии говорят, таким образом, на двух диалектах – хамшенском (входит в группу западноармянских диалектов) и артвинском (который более близок восточноармянским диалектам и литературному языку Армении). Все абхазские армяне являются последователями армянской григорианской (апостольской) церкви, за исключением части артвинцев, которые являются католиками.

Русская (русскоязычная, славянская) община в Абхазии включает этнических русских, украинцев, белорусов и казаков, которые поселялись в Абхазии с последней четверти XIX века, однако особенно интенсивно в советский период.

Имеется и небольшая *греческая* община, состоящая в основном из понтийских греков, происходящих из Малой Азии, которые говорят на особом северогреческом диалекте, сильно отличающемся от языка, на котором сейчас говорят в Греции. Греки – православные христиане.

Более малочисленные этнические группы представлены эстонцами, абазинами, адыгами (адыгейцы, кабардинцы, черкесы), чеченцами, осетинами, евреями, турками, лазами и др.

Интересно, что представители разных этнических групп в Абхазии относительно мало смешивались между собой, предпочитая брачных партнеров из своей национальности (брачная эндогамия). До войны наибольший процент межэтнических браков был между «грузинами» (в основном, мегрелами) и абхазами, а также между русскими и другими группами. В послевоенный период более частыми стали браки между абхазами и представителями северокавказских групп (в основном

⁶ См. более подробно об армянах Абхазии в статье В. Чирикба «Армяне Абхазии и их диалекты» (V. Chirikba. Armenians and their Dialects in Abkhazia. В: *Evidence and Counter-Evidence. Festschrift Frederik Kortlandt*. Volume 2, SSGL 33. Amsterdam - New York: Rodopi, 2008, с. 51-67).

абазины и адыги); наблюдается также явная тенденция к увеличению количества браков между абхазами и армянами.

Численность населения и этнический состав послевоенной (после 1993 г.) Абхазии довольно сложно определить в силу продолжающейся (частично сезонной) миграции населения. Как было сказано выше, большинство картвельского населения покинуло Абхазию накануне, во время или сразу по окончании военного конфликта. Покинули военную и послевоенную Абхазию и многие абхазы (возможно, более 10,000 человек). Около 20,000 армян и 30,000 русских эмигрировало из Абхазии накануне, в течение и после войны. Большинство абхазских греков (около 22,000 до вооруженного конфликта) было либо эвакуировано греческим правительством в Грецию (в ходе операции «Золотое Руно»), либо переехало в Россию. Их нынешнее число в Абхазии – около 2,000. Такая же участь постигла и большинство еврейского населения, эвакуированного во время войны правительством Израиля.

По имеющимся разным оценкам, абхазы являются сейчас самой крупной этнической группой в республике, составляя, по-видимому, около 45% всего населения. Согласно оценке Международного Красного Креста на 1995 год, население Абхазии, за исключением Галского района, составляло 80,000 абхазов, 60,000 армян и 40,000 русских. Ныне около 55,000 мегрелов вернулось в Галский район. Официальная абхазская оценка общего населения Абхазии на 1997 год – 320,000 человек. Эта цифра, по-видимому, учитывает не только тех, кто постоянно проживает в Абхазии, но и многих из тех, кто сезонно, по экономическим причинам, вынуждены проживать за пределами республики.

С точки зрения языковой ситуации, согласно данным всесоюзной переписи 1989 года, большинство абхазов назвали абхазский своим родным языком (97.2%, небольшое снижение по сравнению с 97.8% в 1970 году).

Многонациональный характер населения Абхазии не мог не отразиться на функционировании абхазского языка. Наибольшее влияние на абхазский как в советский, так и постсоветский период оказывал и продолжает оказывать русский язык, которым свободно владеет подавляющее большинство абхазов (81.0% в 1989 году; сейчас этот процент, по-видимому, может быть выше). Русский является ос-

новным языком межнационального общения в Абхазии, а также языком средней и высшей школы, правительства, бюрократии и бизнеса.

В Восточной Абхазии, ввиду значительного мегрельского населения, ощущимо также влияние мегрельского языка. Влияние же на абхазский со стороны грузинского языка, за исключением периода его насильственного насаждения в Абхазии в конце 1930-х – начале 1950-х гг., было лишь маргинальным. Согласно переписи 1989 года, только 1.6% абхазов свободно владели грузинским языком, и 1.2% из них назвали грузинский в качестве родного языка. Большинство из тех абхазов, кто говорит по-грузински и могут читать и писать на нем, принадлежат к поколению, выросшему в 1940-1953 гг., когда абхазские школы были закрыты и абхазские дети были вынуждены учиться на непонятном им грузинском языке.

Влияние на абхазский язык армянского языка, на котором говорила третья, а ныне вторая по численности группа населения Абхазии, практически неощутимо.

Этнодемографическая ситуация в современной Абхазии

Ахиллесовой пятой абхазского этноса и во многом причиной его бед является его хроническая демографическая слабость. Как говорилось выше, в результате Русско-Кавказской войны Абхазия потеряла около 60% своего коренного населения. В последующий период правления Сталина и Берия абхазский этнос был поставлен в ранг народа второго сорта на своей собственной родине, и над ним долгое время дамокловым мечом висела угроза депортации, в то время как та часть народа, которая проживала в Самырзакане, в сталинский период была против своей воли лишена своей национальности.

Передышка в относительно мирный период «развитого социализма» завершилась вместе с крахом СССР. В развязанной вскоре после этого Грузией войне, Абхазия потеряла цвет своей нации, тысячи молодых людей были лишены жизни. И опять абхазы в демографическом плане были отброшены назад. Хотя в послевоенный период и наблюдался некоторый всплеск рождаемости, связанный с общей эйфорией от победы и новыми надеждами на лучшую жизнь, жестокая ельцинов-

ская блокада вынесшего войну народа Абхазии вскоре погасила надежды даже завязтых оптимистов. Тысячи абхазов, в основном молодых и энергичных людей, не видя никакой перспективы, вынуждены были покинуть Родину в поисках лучшей жизни.

Несмотря на определенное экономическое оживление, связанное с послаблением (начиная с 1999 г.) а затем и снятием (в 2008 г.) российских экономических санкций, установленных официально в 1996 г., а фактически в 1994 г., с началом первой чеченской войны, продолжается тенденция к депопуляции Абхазии, что особенно характеризует его коренное население.

Усугубляют ситуацию и исторически сложившиеся особенности репродуктивного поведения абхазов: поздние браки и связанная с этим невостребованность большого числа находящихся в репродуктивном возрасте женщин, так как решившиеся, наконец, жениться мужчины предпочитают, как правило, брачных партнеров не из своего, а из более молодого поколения.

Хотя традиционно у абхазов были большие семьи, в поздний, относительно благополучный, советский период количество детей в семье стало сокращаться, в городе нормой стали один-два ребенка (что означает нулевой прирост населения), а в селе – 3-4 ребенка (простое воспроизводство).

Имеющаяся на этот счет статистика подтверждает видимые и невооруженным взглядом тревожные тенденции. Например, цифры за 2002-2007 гг. показывают весьма незначительный прирост рождаемости и, напротив, устойчивую тенденцию к существенному увеличению уровня смертности, который ныне на порядок выше соответствующей цифры 2002 года и почти догнал уровень рождаемости. Естественный прирост населения, таким образом, почти нулевой. В 2005 г. количество умерших в городах превысило число родившихся, и в 2007 г. это соотношение сохранилось.

Хотя уровень смертности в сельской местности несколько ниже, чем в городе, ее кривая и здесь неуклонно растет вверх и ныне уже на порядок выше, чем еще в 2002 году. Негативные тенденции в уровне рождаемости и высокая смертность

характеризуют не только этнических абхазов, но и другие группы населения Абхазии.⁷

Все это свидетельствует о необходимости принятия кардинальных государственных мер, направленных на существенное оздоровление демографической ситуации в республике. Важнейшими среди этих мер являются улучшение системы здравоохранения, экономическое стимулирование рождаемости, а также репатриация абхазов из стран СНГ, Турции и Ближнего Востока.

Положение абхазского языка в современной Абхазии

Официальный статус абхазского языка как государственного закреплен в Конституции Республики Абхазии, принятой ее парламентом в 1994 году.⁸ Несмотря на столь высокий статус, нынешнее положение абхазского языка внушает серьезные опасения. Это может на первый взгляд показаться парадоксальным. Ведь имеются абхазские детские сады, школы и университетские курсы, абхазское радио, телевидение, пресса. Однако главной проблемой абхазов является, помимо отмечавшейся выше их демографической слабости, также тот факт, что в космополитических условиях абхазского города единственным общеупотребительным языком, *лингвой франка*, является вовсе не государственный абхазский язык, а русский язык. Влияние русского языка на абхазский огромное, он доминирует на улицах и на рынках, это язык делопроизводства, бюрократии, правительства, парламента, школы, бизнеса, а во многих случаях и абхазской городской семьи.

Хотя престиж абхазского языка за последние десятилетия значительно вырос, и среди родителей отмечается большее осознание важности обучения своих

⁷ См. *Абхазия в цифрах за 2007 год*. Сухум: Управление Государственной Статистики Республики Абхазия, 2008, с. 24.

⁸ «*Статья 6. Государственный язык Республики Абхазия – абхазский. Русский язык наряду с абхазским признается языком государственных и других учреждений. Государство гарантирует всем этническим группам, проживающим в Абхазии, их право на свободное использование родного языка*» (см. *Конституция Республики Абхазия*. Принята на сессии Верховного Совета Республики Абхазия 12-го созыва 26 ноября 1994 года, одобрена всенародным голосованием 3 октября 1999 года с изменением, принятым на всенародном голосовании (референдуме) 3 октября 1999 г.).

детей родному языку, тем не менее, доминирование русского языка в городских центрах Абхазии является настолько существенным, что оно почти полностью нейтрализует позитивные тенденции в нынешнем отношении абхазов к родному языку и негативно влияет на степень владения родным языком среди молодого поколения городских абхазов.

Имеется много абхазских городских семей, которые, в полной мере владея абхазским языком, предпочитают в повседневной жизни пользоваться русским языком. Правда, многие из этих семей посылают своих детей в абхазские школы, где с первого по четвертый класс основным языком преподавания является абхазский язык. Кстати, только в детских садах и школах дети русскоязычных абхазских городских семей имеют шанс изучить родной язык. И результаты впечатляют, дети на самом деле начинают говорить на родном языке. Однако в Абхазии нет школ с полным образовательным циклом на абхазском языке. И поэтому ситуация резко меняется, когда происходит смена языка преподавания с абхазского на русский. Начиная с пятого класса, дети практически прекращают использовать родной язык в образовательном процессе, за исключением уроков родного языка и литературы раз или два в неделю, и переходят исключительно на русский язык, утрачивая навыки общения на родном языке. Большинству из них в их дальнейшей жизнедеятельности абхазским языком больше пользоваться почти не приходится.

Многие родители-абхазы предпочитают отдавать своих детей в русские школы, по-видимому, полагая, что уровень преподавания в них выше, чем в абхазских школах. Эта тенденция очевидна из приведенной ниже таблицы.

Сведения об учащихся абхазской национальности

по состоянию на 11.09.2008 г.

(по данным Министерства Образования Республики Абхазия)

1	количество школ	169
2	количество учащихся (всего)	26220

3	количество учащихся абхазской национальности (всего)	15185
4	количество абхазов, обучающихся в абхазских школах	9358
5	% от всех учащихся абхазской национальности	61,63
6	количество абхазов, обучающихся в абхазских секторах двухсекторных школ	1209
7	% от всех учащихся абхазской национальности	7,96
8	количество абхазов, обучающихся в русских школах и русских секторах двухсекторных школ	4618
9	% от всех учащихся абхазской национальности	30,41

Приведенные в таблице данные показывают, что родители более 30 процентов учеников абхазской национальности предпочитают отдавать своих детей в русские, а не в абхазские школы или абхазские сектора.

Следует отметить, что стремление отдавать своих детей именно в русские школы характерно и для армянской общины, второй по величине в республике после абхазской. Так, по данным на 2003 год, в армянской средней школе № 3 в г. Гагра насчитывалось только 135 учеников, тогда как в русской школе в Гагре, насчитывающей 757 учеников, 39 % учащихся были этническими армянами.⁹

Другим негативным фактором, влияющим на процессы, связанные с абхазским языком, является стремительная урбанизация Абхазии. Ввиду неблагоприятной экономической ситуации в сельских районах, тысячи молодых сельских абхазов устремляются в города, где, в условиях космополитического общества, им приходится вне рамок семьи переходить почти исключительно на русский язык. При этом, остро ощущая неадекватное знание доминирующего в городе русского языка, они пытаются дать своим детям, прежде всего, хорошее знание русского языка, путем посылки их, например, в русские школы, или общения с ними в основном на русском языке. И это также негативно влияет на общую ситуацию в сфере функ-

⁹ Газ. «Амшен», № 6. Сухум, 2003 г.

ционирования абхазского языка. Хотя в селе абхазский язык по-прежнему доминирует, влияние близлежащих городов, где работают члены многих семей, а также преимущественно русскоязычная образовательная система и русскоязычное телевидение обеспечивают активное внедрение русского языка также и в сельские местности.

В целом, можно констатировать, что хотя идеальной ситуации отвечало бы активное абхазско-русское двуязычие, активный абхазско-русский билингвизм, нынешние тенденции показывают, что в реальности абхазское общество неуклонно движется к одноязычию, совершая нечто вроде коллективного и в целом вполне сознательного акта *самоубийства родного языка*, неостребованного обществом.

Конечно, наряду с негативными, имеются и положительные тенденции. Так, сравнение с ситуацией, имевшей место два десятилетия назад, показывает, что знание абхазского языка в среде молодых городских абхазов, благодаря повышению его престижа и специальным мерам, предпринимаемым абхазским правительством (организация абхазских детских садов, факультетов в Абхазском Государственном Университете, функционирование абхазоязычных теле- и радиопрограмм) возросло.

Тем менее, без всякого преувеличения можно утверждать, что над абхазским языком нависла угроза. Если государством не будут приняты решительные и адекватные серьезности ситуации мероприятия по укреплению позиций абхазского языка в абхазском обществе, то в течение жизни нескольких последующих поколений абхазскому языку грозит неизбежное угасание. Нынешняя ситуация тревожная, но пока еще не безнадежная. Однако она может стать таковой, если уже сегодня не принять комплекса необходимых мер. Иначе абхазский язык может постичь судьба недавно вымершего убыхского языка.

Неблагоприятная ситуация с абхазским языком является серьезным вызовом для абхазского общества. Решать ее нужно на двух стратегических направлениях.

Первой стратегической сверхзадачей является всемерное укрепление абхазского села, в том числе создание в селе условий для работы и досуга молодежи, что поможет приостановить массовую миграцию сельской молодежи в города, где она подвергается быстрой языковой ассимиляции.

Второй стратегической сверхзадачей, возможно, еще более сложной, чем первая, является создание абхазоязычной городской среды, включая абхазоязычную бюрократию, бизнес, СМИ и молодежную урбанистическую культуру. Только параллельное решение этих двух сверхзадач спасет абхазский язык от затухания и исчезновения и позволит ему укрепить свои позиции.

Следует особо подчеркнуть, что перед абхазским обществом, несомненно, не стоит задача заставить говорить по-абхазски представителей других этнических групп, проживающих в Абхазии – русских, армян, грузин и других. Изучение абхазского языка, официального языка государства, гражданами республики, которые не являются этническими абхазами, должно, несомненно, поощряться. Абхазский язык представлен в программах неабхазских школ. Однако на данном этапе основной упор следует сделать на создание именно этническими абхазами абхазоязычной городской среды, которая, будучи создана, неизбежно приведет к вовлечению в нее и представителей других, неабхазских групп населения, прежде всего молодежи.

Международный опыт сохранения и возрождения языков: успехи и неудачи

Для того чтобы адекватно оценить ситуацию и принять правильные и эффективные меры для выправления ситуации с абхазским языком, очень важно изучить имеющийся мировой опыт. Следует извлечь уроки как из успешных примеров усилий по сохранению языка, так и от неудачных случаев государственного регулирования использования языка. Я кратко опишу здесь два случая: один, неудачный, на примере ирландского языка, и другой, успешный – на примере возрождения иврита.

1. Ситуация с ирландским языком¹⁰

¹⁰См. Adrian Kelly. *Compulsory Irish. Language and Education in Ireland. 1870s-1970s*. Dublin; Portland, Or: Irish Academic Press, 2002.

В Республике Ирландия основным языком цивилизации и городской культуры является английский язык. Родным ирландский язык, который относится к кельтской группе индоевропейской семьи языков, является лишь для 18 % населения страны. После обретения независимости от Великобритании в 1921 г., власти нового государства решили коренным образом улучшить ситуацию с функционированием ирландского языка. Возродить язык как государственный решили преимущественно через систему школьного образования. Кампания проводилась под лозунгом: «Народ без собственного языка не заслуживает того, чтобы его называли нацией».

Однако, несмотря на все усилия и затраченные солидные средства, эксперимент в целом не удался, и доминирующим языком в Республике Ирландия по-прежнему остается английский язык. Какие же объективные и субъективные причины ответственны за эту неудачу? Попытаюсь их суммировать.

1. Слишком малое число носителей языка, для которых ирландский язык был родным (первым) языком (ок. 18%). Это означает, что важным фактором является критическая масса компетентных носителей языка.

2. Не было проведено широкой и умной разъяснительной кампании или пропаганды среди населения о необходимости знания и использования ирландского языка. В результате, общественное мнение Ирландии оказалось неподготовленным к смене английского языка на ирландский, и многие негативно отнеслись к обязательному внедрению ирландского языка в школах.

3. Ощущался дефицит хороших, интересных учебников, а также квалифицированных преподавательских кадров на ирландском языке.

4. Основной упор на внедрение ирландского языка был сделан на начальную и среднюю школу. В то же время, функционирование ирландского языка вне школы было совершенно не обеспечено. Выпускники школ почти нигде не имели возможности применять полученные ими в процессе учебы знания родного языка. Как результат, уже через 3-4 года после окончания школы, многие выпускники утрачивали навыки свободного общения на ирландском языке. Ирландский язык оставал-

ся необходимым только для получения диплома о среднем образовании и для прохождения экзамена необходимого для получения поста на государственной службе.

5. Отсутствовали или были недостаточными возможности для изучения или улучшения знания ирландского языка взрослым населением.

6. Отсутствовала и не была создана социально-экономическая база или инфраструктура для стыковки языка с экономической и общественной жизнью страны. Вместо этого в качестве главной мотивации для использования ирландского языка выдвигался патриотизм.

7. Многие специалисты не могли устроиться на работу из-за недостаточного знания ирландского языка, которое сделали обязательным для получения государственной должности. Это побуждало многих классных специалистов к эмиграции. Так, в 1950-1960-х гг. ежегодно 60,000 ирландцев были вынуждены мигрировать в англоязычные страны, что крайне отрицательно влияло на прогресс общества и опять-таки, вызывало отрицательное отношение к ирландскому языку среди многих жителей Ирландии.

Все это вместе взятое дискредитировало ирландский язык как совершенно невостребованный в реальной экономической и культурной жизни Ирландии и привело, в целом, к провалу инициированной правительством политики его возрождения. По всей видимости, ирландский язык уже прошел *точку невозврата*, хотя государство продолжает поддерживать определенный уровень функционирования этого языка.

2. Возрождение иврита: история феноменального успеха¹¹

Иврит является семитским языком, родственным арабскому, который уже во время Христа, т.е. более 2000 лет назад, был мертвым языком и сохранялся, подобно латыни, лишь как язык религиозного культа и духовной литературы. В XX веке иврит был возрожден усилиями немногих фанатичных подвижников, что является

¹¹См. А. Крюков. *Краткая история возрождения разговорного иврита*. Издание второе, стереотипное. Москва: Муравей, 2004.

уникальным случаем полноценного воскрешения практически мертвого языка. Как же это произошло?

В 1882 г. в Палестине было основано общество «Возрождение Израиля». Одним из пунктов программы этого общества являлось положение, что члены Общества на своих собраниях, а также на рынках и на улице будут разговаривать друг с другом только на иврите. Кроме того, они должны обучать этому языку детей и стремиться к тому, чтобы сделать иврит языком преподавания в школах, а также способствовать его распространению во всех слоях общества. Работу этого Общества продолжил Комитет Языка. Язык стал краеугольным камнем программы по воссозданию новой нации. Идеолог сионизма З. Жаботинский писал: «если вы не знаете иврита – вы не до конца еврей».

Интересна деятельность культуртрегера и писателя Элиезера Перельмана, родившегося в 1859 г. в России, который был одним из главных инициаторов возрождения иврита в Палестине. Он выступал против билингвизма (двуязычия), а также считал, что иврит можно возродить только в стране, где еврейское население количественно преобладает над нееврейским. Отсюда его внимание к проблемам демографии. Перельман принял принципиальное решение разговаривать только на иврите с теми, кто владел этим языком. Женившись, он обучил ивриту жену. В 1881 г. он переехал в Палестину, и его семья стала первой в Палестине, члены которой общались между собой только на иврите. Его первенец Бен-Цион стал первым ребенком, для кого иврит стал родным языком, и это спустя 1700 лет после прекращения жизни иврита как разговорного языка! Перельман запрещал всем, кто не говорил на иврите, общаться с сыном. Он разработал три наиболее важные программы: «Иврит дома», «Иврит в школе» и «Словарный запас». Он понимал, что язык возродится только тогда, когда на нем свободно заговорит молодое поколение.

Несмотря на эти усилия, идея возрождения иврита трудно, а порой и недоброжелательно воспринималась многими религиозными ортодоксами, интеллектуалами и сионистскими лидерами. Главным конкурентом иврита был идиш, основанный на базе немецкого языка. В 1902 г. в Иерусалиме было только 10 семей, в которых говорили на иврите, и около 20 детей, для которых этот язык был родным.

Но в результате деятельности активистов, к 1918 году уже 34,000 человек – а это около 40 % палестинских евреев - умело разговаривать на иврите. Процесс возрождения и распространения иврита захватывал все более широкие слои еврейского населения и в результате иврит стал доминирующим языком государства Израиль.

Важными факторами на пути возрождения иврита были следующие:

I. *Идеология*

1. Признание иврита официальным языком сионистского движения.
2. Наличие небольшой, но активной и авторитетной группы идейно-духовных лидеров растущей еврейской общины в Палестине. Хотя 90% евреев мира говорили на идише или понимали его, в Палестине идейно доминировали именно сторонники иврита.

II. *Благоприятные условия*

1. Процесс нарастания иммиграции в Палестину разноязычных евреев из разных стран, которым объективно нужен был общий язык - *лингва франка*.
2. Создание писателями и другими деятелями огромного количества неологизмов, выражающих новые понятия.

III. *Практические действия*

1. Конкретным шагом по внедрению иврита в среду самого молодого поколения палестинских евреев стало появление детских садов, что вело к быстрому распространению этого языка.
2. В 1889 г. в Палестине открылась первая школа с обучением *всех* предметов на иврите. Впоследствии произошло открытие ряда школ, гимназий, колледжей и учительской семинарии полностью на иврите.
3. В 1922 г. иврит был провозглашен одним из трех официальных языков страны, наряду с арабским и английским.
4. В 1925 г. открылся Ивритский университет в Иерусалиме, языком преподавания которого был иврит.
5. В 1929 г. в Палестине насчитывалось около 150 школ на иврите, в которых обучалось 20,000 детей.

6. К 1948 г., когда было создано государство Израиль, в стране было уже 650 тысяч евреев, из которых 80% могли изъясняться на иврите, а 54% вообще говорили только на иврите.

7. В 1949 г. открылась первая школа для обучения взрослых иммигрантов ивриту.

8. В 1953 г. иврит был объявлен государственным языком.

9. Разворачивание научно-популяризаторской деятельности Академии языка иврит.

3. Уроки международного опыта

Международный опыт ясно показывает: язык малых народов и наций можно сохранить и он может иметь будущее в том случае, если он является главным или одним из главных элементов этнической идентичности, этнического самосознания данного сообщества. Этот вывод подтверждается как приведенным выше примером с ивритом, так и анализом ситуации в полиэтничных регионах, характеризующихся сравнительной близостью культур проживающих там этнических групп – в этих условиях одним из немногих действительно существенных для групповой идентификации признаков, отличающих данную группу от соседних групп, является наличие собственного, отдельного и непонятного, либо сильно отличающегося от соседней группы языка.

Именно фактором важности языка для групповой идентичности объясняется поразительный успех в возрождении баскского языка в Басконии (в Испании), а также в Уэльсе (в Великобритании), поскольку там именно родной язык выступил в качестве главного инструмента национального возрождения и противостояния культурному и политическому доминированию численно превосходящей группы (испанцев и англичан, соответственно). В Израиле именно иврит стал цементирующей доминантой вновь создаваемой государственности и национальной идентичности.¹²

¹² Ср. цитату из речи бывшего министра культуры Израиля Амнона Рубинштейна «Иврит – основа еврейского государства» (А. Крюков. Указ. соч., с. 9).

В качестве более близкого нам примера можно привести абазинский язык в Карачаево-Черкесии, носители которого соседствуют со сходными по культуре и более многочисленными кабардинцами (черкесами) и карачаевцами. Представляется, что именно осознание абазинами значимости их языка для национальной идентичности является одним из главных факторов, поддерживающих их этническую самобытность и препятствующих их языковой ассимиляции со стороны соседних более многочисленных групп. В результате, констатируется достаточно устойчивое положение абазинского языка.

Да и в самой Абхазии наблюдается значительно бóльшая устойчивость абхазского языка именно в юго-восточных регионах страны, где абхазы соседят с близкими им по культуре и более многочисленными мегрелами. Здесь, при сравнительной близости культур, а также зачастую одинаково звучащих фамилиях именно язык, наряду с обычаями, остается основным признаком отличности абхазов от мегрелов, и инструментом противодействия их ассимиляции последними. В Бзыпской (Гудаутской) же Абхазии подобного соседства нет, а главным признаком идентификации местных абхазов является не язык, а этикетный код *ансуара*. Проблема заключается в том, что этикет *ансуара* не связан напрямую с абхазским языком и может вполне удовлетворительно функционировать и на другом, в данном случае, русском языке. Кроме того, сам этикет *ансуара* в современных условиях урбанизации подвергается быстрой эрозии и трансформации. В результате, самая тревожная ситуация с абхазским языком фиксируется именно к западу от Сухума, в Новом Афоне, в Гудауте и в Гагре, где социально и культурно более престижный и экономически более востребованный русский язык постепенно становится основным языком общения значительного слоя городских абхазов.

В случае если язык становится одним из главных элементов идентичности соседящих групп, нередко происходит политизация фактора языкового отличия, что может порой привести к ситуации настоящих «языковых войн». Так, например, на Украине стремление административными мерами укрепить влияние украинского языка даже в регионах традиционного использования русского языка (Восточная Украина, Крым), мотивируется, в рамках политического проекта построения украинского национального государства, необходимостью формализовать «отличность»

населения Украины от близкого ему по культуре и языку населения России. Сходна ситуация и в Бельгии, с ее острым противостоянием экономически более развитой голландскоязычной Фландрии и более бедной франкоязычной Валлонии. Здесь также именно язык является как фактором идентичности двух крупнейших групп населения этой в остальных отношениях вполне благополучной западноевропейской страны, так и средством достижения ими политических и экономических целей.

Языковые войны известны и в Абхазии даже на памяти нынешнего поколения. В период сталинско-бериевского террора в Абхазии (1937-1953 гг.) именно запрет на абхазский язык и насильственное насаждение непонятного большинству населения грузинского языка служили, наряду с демографическими манипуляциями (поголовное выселение из Абхазии греков и турков и заселения ее десятками тысяч мегрелов и грузин), одним из инструментов установления политической гегемонии Грузии над Абхазией.

Таким образом, там, где язык является фактором идентичности данного социума, его шансы на сохранение и успешную конкуренцию с языками более многочисленных соседних групп значительно повышаются. Помимо фактора групповой идентичности, можно перечислить несколько других условий, необходимых для сохранения языка немногочисленных языковых коллективов:

1. Наличие в обществе желания и мотивации пользоваться родным языком.
2. Наличие культуртрегеров и энтузиастов.
3. Наличие критической массы говорящих на данном языке.
4. Наличие идеологической составляющей – пропаганда ценности языка и его использования.
5. Финансовое обеспечение усилиям по сохранению и поддержанию языка.
6. Наличие образовательных учреждений на данном языке.
7. Создание условий для овладения языка молодым поколением.
8. Создание условий для овладения или улучшения языка взрослыми.
9. Создание современной городской культуры на языке, включая прессу, телевидение, театр, художественную литературу, Интернет и молодежную субкультуру, а также бюрократию.

Перспективы сохранения абхазского языка в условиях полиэтнического общества

Послевоенное развитие Абхазии характеризуется резким сломом традиционных социально-экономических устоев абхазского общества, самым масштабным после периода мухаджирства выселением значительного сегмента его населения за пределы Абхазии и массовым переселением сельского абхазского населения в многонациональные города, в которых в качестве средства межнационального общения безраздельно царит русский язык. Направление внутренней миграции – главным образом, с востока в центр и на запад республики.

Таким образом, сегодня, на наших глазах закладываются основы качественно новой этнополитической и демографической ситуации, которая будет определять развитие Абхазии в обозримом будущем. Некоторые из происходящих ныне процессов фундаментальны и вряд ли обратимы. Хотя не все из этих новаций следует рассматривать в негативном свете, тем не менее их стихийный, неуправляемый и массовый характер пока еще не получил достойного масштаба происходящих перемен осмысления как абхазской наукой, так и обществом в целом, включая его интеллектуальную и политическую элиту. Все еще неясно, куда ведут нас все эти процессы, и как они будут определять лицо Абхазии в последующие десятилетия.

Все эти нерегулируемые стихийные процессы напрямую затрагивают и позиции абхазского языка, который ранее, даже в условиях советской политики коренизации (создания слоя абхазской управленческой элиты и творческой интеллигенции), традиционно оставался языком села. Все советское время село служило надежным демографическим, языковым и культурным тылом абхазского этноса. Послевоенная депопуляция многих абхазских сел, вызванная указанной выше массовой миграцией населения в города, создала качественно новую социально-экономическую ситуацию, которая сразу и как никогда масштабно поставила аб-

хазский язык в условия жесткой конкуренции с социально более престижным и экономически более востребованным русским языком.

Особую тревогу вызывает тот факт, что при сохранении нынешних тенденций, в среде вброшенного в город значительного сегмента традиционно сельского абхазоязычного общества, составившего существенный процент нового городского населения, происходит прогрессирующая деградация абхазского языка. Это выражается в резком сужении сферы употребления абхазского языка его традиционными носителями по сравнению с прежней жизнью в сельской местности. Язык продолжает полноценно функционировать преимущественно лишь в сфере семьи, но уже не в сфере вне-семейного социума. Другим негативным следствием является снижение уровня его знания, использования и престижности в среде молодого поколения новых городских абхазов.

Таким образом, при сохранении нынешних условий и тенденций, современный абхазский город, по сравнению с селом, являет собой не вполне благоприятную среду для функционирования абхазского языка. При имеющемся ныне уровне государственной поддержки абхазского языка и преимущественно декларативных мерах по его защите выдержать здесь конкуренцию с русским языком он просто не в состоянии.

Недавнее принятие закона о языке явилось позитивным фактором с точки зрения укрепления его позиций в обществе, а также реализации его статуса как государственного. Вместе с тем вызывает озабоченность то, что закон был написан и принят без предварительного всестороннего и глубокого социолингвистического исследования языковой ситуации в Абхазии. Не был изучен и соответствующий опыт зарубежных стран, имеющих сходные с Абхазией проблемы.

Много как объективных, так и субъективных трудностей и на пути реализации этого закона. Хотя закон и принят, вряд ли можно утверждать, что наше общество к нему в достаточной степени подготовлено. Реализация закона требует и значительных финансовых средств для подготовки квалифицированных преподавательских и переводческих кадров, для создания переводных, терминологических и отраслевых словарей, методических пособий, разговорников, курсов и программ по обучению абхазскому языку, как для детей, так и для взрослых. Всего этого у нас

пока весьма мало, да и о качестве имеющегося можно, видимо, поспорить. Но самое главное, для реализации закона о языке нужна политическая воля, с тем, чтобы принятые меры не остались на бумаге, чтобы они в полной мере воплотились в жизнь.

Для того чтобы ответить на вопрос: «Каковы перспективы у абхазского языка?», необходимо провести масштабные социолингвистические исследования с точки зрения особенностей функционирования абхазского языка во всех регионах, во всех возрастных и социальных группах абхазского населения. Именно на основе результатов такого исследования следует выработать правильные и ясные рекомендации для решения проблемы сохранения абхазского языка.

Совершенно очевидно, что бесполезно просто взывать к сознанию или к совести, стимулируя людей к использованию абхазского языка в городских условиях и полноценной передаче его молодому поколению. Такие призывы, не подкрепленные конкретными мерами социального и экономического характера, либо просто не будут работать, либо будут иметь лишь кратковременный эффект.

Работа по укреплению позиций абхазского языка не должна быть уделом только одиночек-энтузиастов. Необходимо, чтобы именно правительство Абхазии и государственные институты в полном масштабе включились и возглавили общенациональный проект по укреплению позиций абхазского языка. Нужны серьезные правительственные программы для того, чтобы повернуть негативные тенденции вспять и добиться существенного улучшения ситуации с абхазским языком в нашем обществе, включая городскую среду и всю государственную инфраструктуру.

Говоря о необходимости укрепить позиции абхазского языка в абхазском обществе, мы не должны, тем не менее, забывать и о другой важной стороне данной проблемы: недопустимо ущемлять в правах тех, кто не владеет государственным языком.

Абхазия – многонациональная республика, где языком межнационального общения является русский, а не абхазский язык. Так исторически сложилось, и нынешняя ситуация, несомненно, сохранится и в будущем. Поэтому все осуществляемые или планируемые мероприятия нельзя делать в ущерб русскому языку, который играл, играет, и всегда будет играть чрезвычайно важную роль в структуре аб-

хазского общества, являясь языком межнационального, да и международного общения.

Цель совсем иная – не допустить забвения абхазами родного языка и обеспечить ему достойное место и полноценное функционирование в абхазском обществе как ныне, так и в обозримом будущем.

Вообще, следует особо подчеркнуть, что на данном этапе государственного строительства недопустимо вводить обязательное свободное владение абхазским языком для всех руководящих кадров и управленцев, так как это может превратиться в диктатуру компетентных носителей языка, которые вовсе необязательно являются также компетентными руководителями. Жесткие требования знания абхазского языка для занятия управленческой, да и вообще любой другой общественно важной или престижной должности могут привести к не востребоваемости и даже к оттоку за пределы Абхазии высококвалифицированных специалистов, что является недопустимым, особенно ввиду их острой нехватки.

Поэтому на нынешнем этапе строгие требования к знанию государственного языка, наоборот, могут являться и тормозом для экономического и социального развития общества. Ведь перед нами стоит задача не только укрепления позиций абхазского языка, но также и реформирования экономики, народного хозяйства, науки, системы образования, всей системы управления государством, и здесь общество должно проявлять достаточную гибкость и здравый смысл, привлекая квалифицированные кадры не только из Абхазии, но даже и извне ее, что, кстати, является обычной практикой для многих современных развитых, а тем более для развивающихся обществ, каковым является и Абхазия.

Нужно действовать очень осторожно и деликатно, чтобы помочь нашему языку, но в то же время и не навредить отношениям между различными общинами, составляющими многонациональный народ Абхазии. Все мероприятия и программы должны осуществляться рационально, грамотно и без перегибов, чтобы они не нарушали прав других граждан, не владеющих или плохо владеющих государственным языком.

Комплекс мер по поддержке государственного языка

Среди комплекса мер по укреплению позиций абхазского языка можно предусмотреть следующие, для удобства обсуждения разбитые на отдельные сферы: *сфера организации, сфера образования, сфера идеологии, сфера молодежной политики*. Вводится также понятие *языкового режима*.

1. Сфера организации

В качестве одной из основных организационных мер по укреплению позиций абхазского языка может стать создание *Академии Абхазского Языка и Литературы*, которая занялась бы вопросами функционирования абхазского литературного языка, его нормализации, орфографии, реформирования, а также многими другими аспектами жизни языка на современном научном уровне. В сферу деятельности Академии входило бы также составление и публикация абхазских словарей различного типа (например, словарей новых слов, терминологических словарей, словарей-справочников). Академия занималась бы и проблемами абхазской литературы.¹³

Внутри Академии следует создать постоянную научно-экспертную мониторинговую группу для исследования современного состояния абхазского языка и тенденций в его функционировании. Эта группа должна заниматься проведением социолингвистического изучения состояния абхазского языка в городе и в селе и выработать конкретные рекомендации для государства, направленные на эффективную реализацию государственной политики в области государственного языка.

Сюда же должен войти в качестве автономной структурной единицы уже существующий и успешно функционирующий государственный *Фонд Абхазского Языка*.

¹³ Следует вспомнить, что именно на основе организованной в 1925 г. по инициативе академика Н. Я. Марра Академии Абхазского языка и литературы, а также Абхазского Научного Общества был создан Абхазский институт языка, литературы и истории, ставший признанным центром отечественной школы абхазоведения.

Другой инициативой было бы создание *Лиги Защиты Абхазского Языка*, в которую вошли бы энтузиасты, любители и знатоки абхазского языка, все те, кому не безразлична судьба родного языка.

2. Сфера образования

Мировой опыт показывает, что процесс возрождения языка надо начинать с детских садов и школы. Именно сюда надо направить как квалифицированные и мотивированные кадры, так и достаточные финансовые ресурсы.

В качестве важнейшей цели следует добиться стопроцентного и полноценного владения абхазским языком молодыми городскими абхазами – выпускниками средних школ. Этот контингент послужит основой для создания абхазоязычной городской среды.

Для выпускников средних школ целесообразно разработать шкалу стандартов знания (компетенции) абхазского языка:

1-я степень – *полная компетенция*, предполагающая отличное владение абхазским языком, умение свободно излагать на нем мысли как на бытовые, так и на общественно-политические темы.

2-я степень – *базовая компетенция*, предполагающая хорошее понимание абхазского языка и умение поддерживать разговор на бытовые темы.

3-я степень – *элементарная компетенция* – понимание в основном абхазского языка и умение изъясняться на элементарном уровне.

В рамках системы стандартов языковой компетенции следует предусмотреть право последующей передачи экзамена для получения диплома более высокой степени. Принятие на государственную должность абхазами, в зависимости от специфики работы, должно обуславливаться наличием диплома 1-й или 2-й степени. Принятие на государственную службу лиц неабхазской национальности должно обуславливаться наличием, по крайней мере, диплома 3-й степени.

Следует подчеркнуть, что все это, конечно, относится к не настоящему, а скорее к среднесрочной перспективе, так как пока наше общество совершенно не подготовлено к таким реформам. Однако начинать готовить их надо уже сейчас.

Следует разработать поэтапные мероприятия сроком на 15 лет, в результате осуществления которых абхазский язык должен стать реально функционирующим языком государства и его учреждений.

Для улучшения школьного и высшего образования на родном языке следует предусмотреть увеличение числа дисциплин, читаемых на абхазском языке. Хотя перевод всего цикла школьного или университетского обучения на абхазский язык на данном этапе является весьма трудновыполнимой задачей, и я не уверен, что это возможно внедрить в ближайшем будущем, но перевод, по крайней мере, части дисциплин, которые ныне читаются на русском, на абхазский язык представляется вполне возможным. Это создаст непрерывность между первыми четырьмя годами, когда обучение ведется почти исключительно на абхазском и следующими семью годами, когда обучение ведется почти исключительно на русском языке. Тем самым будет преодолен нежелательный разрыв, который совершенно негативно влияет как на мотивацию, так и на общий уровень владения абхазским языком молодыми людьми.

Улучшение системы школьного образования, естественно, невозможно без значительного увеличения финансирования абхазских школ (как и всех других школ Абхазии), включая существенное повышение зарплат для учителей абхазского языка. Можно привлечь к дополнительному финансированию абхазских школ также частные фонды или личные пожертвования имущих граждан.

Следует продумать и вопрос о создании, хотя бы экспериментальной, школы с большинством предметов, особенно гуманитарных, на абхазском языке, от первого до последнего класса. Уже сейчас следует создать ряд спецшкол с углубленным изучением абхазского и иностранных языков.

Окончив абхазскую школу, которая обеспечивает им полноценное знание родного языка, молодой человек или девушка должны будут иметь возможность поступать на абхазоязычный факультет университета или колледжа. Это означает, что следует расширить и число факультетов с обучением на абхазском языке и в высшей школе.

Люди, которые неадекватно, плохо, либо вовсе не владеют родным языком, должны иметь все возможности для занятий языком на недорогих, субсидируемых

государством курсах. Следует перестать шельмовать и упрекать этих людей в незнании родного языка – ведь они являются не виновниками, а жертвами сложившегося в нашем обществе, в наших семьях отношения к абхазскому языку. Таким людям государству следует оказывать всемерную помощь в обучении языку. И если есть желание у лиц неабхазской национальности изучить абхазский язык, а у многих такое желание есть, нужно создать и для них все условия для обучения.

Итак, для реализации задачи по укреплению позиций абхазского языка необходимо осуществление следующих мероприятий в сфере образования:

1. Улучшить организацию абхазоязычных детских садов и начальных школ.
2. Увеличить финансирование всех образовательных учреждений и существенно повысить зарплату преподавателям абхазского языка.
3. Подготовить квалифицированные преподавательские кадры для обучения новым дисциплинам на абхазском языке в начальной, средней и высшей школе.
4. Подготовить современные учебники для средней и высшей школы по основным предметам на абхазском языке.
5. Разработать отраслевую терминологию на абхазском языке и выпустить соответствующие терминологические словари.
6. После 4-го класса ввести преподавание на абхазском языке таких предметов, как, например, географию, биологию, обществоведение, правоведение и некоторые другие.
7. Ввести дополнительные дисциплины на абхазском языке в высшей школе.
8. Открыть общедоступные курсы абхазского языка (в том числе интенсивные курсы) для всех желающих.

3. Сфера идеологии

Абхазскому обществу следует предложить следующую базовую идеологическую установку: «Аҗсадгьыл, Абышәа, Аҗсуара» («Родина, Язык, Этикет») как ценностный фундамент абхазской нации и абхазской государственности. Идея построения национальной государственности и сохранения абхазской идентичности должны быть неразрывно связаны с абхазским языком и ценностями абхазской культуры.

Таким образом, абхазский язык должен стать одним из трех базисных элементов абхазской идентичности. Исходя из этого, важнейшей задачей по укреплению позиций абхазского языка является проведение серьезной, грамотной и долгосрочной кампании по существенному повышению его престижности.

Ведь, на самом деле, проблема функционирования нашего языка во многом объясняется не тем, что городские абхазы его не знают или плохо знают, а тем, что абхазский язык обладает в городе более низким социальным статусом по сравнению со вполне объяснимой высокой статусностью русского языка. Поэтому нужен целый комплекс мер по пропаганде общения на родном языке и по важности его передачи новым поколениям.

Особая роль здесь должна отводиться средствам массовой информации, особенно телевидению. Именно через средства массовой информации нужно пропагандировать использование абхазского языка, активного внедрения его в общественную жизнь, проведения работы по повышению его статуса и престижности, особенно среди молодежи. Вообще, абхазский язык должен быть больше слышен на телевидении. Для этого следует увеличить время телевизионного вещания на абхазском языке и существенно улучшить качество абхазских телепрограмм. Следует предусмотреть создание хотя бы одного полностью абхазоязычного телеканала.

Нужно больше интересных абхазоязычных развлекательных и информационных программ, больше интересных ток-шоу на абхазском языке, посвященных обсуждению волнующих общество, и в частности, молодежь, вопросов. Следует демонстрировать в большем количестве дублированные художественные и документальные фильмы на абхазском языке, что, как показывает опыт ряда стран с неблагоприятной ситуацией с использованием государственного языка, очень благотворно влияет на повышение престижности этого языка и на отношение к нему в обществе. Все это, естественно, означает необходимость существенного увеличения финансирования государственного абхазского телевидения, телестудий и творческих групп.

Нужен и спутниковый канал на абхазском языке, как для нашей диаспоры, так и для всех соотечественников в ближнем и дальнем зарубежье.

Следует обратить особое внимание на рекламу – абхазского языка здесь, явно в нарушение принятого парламентом Закона о языке – пока почти нет. А ведь качественно сделанная абхазоязычная реклама, в том числе телереклама, была бы одним из факторов повышения престижа языка и, что очень важно, интереса к нему у молодежи.

Отдельной и чрезвычайно важной задачей является создание абхазоязычных компьютерных игр, а также абхазоязычного Интернета. В современном мире Интернет находится на переднем крае идеологической борьбы и пропаганды, а также мощнейшим образовательным и информационным ресурсом, особенно в среде молодежи. В Абхазии же, к сожалению, должного значения этому ключевому информационному ресурсу современности пока не придается.

4. Сфера молодежной политики

Государственные программы по сохранению абхазского языка должны быть нацелены, прежде всего, на молодое поколение, которому предстоит строить будущую Абхазию.

Абхазский – весьма сложный язык, его непросто изучить во взрослом возрасте. Это означает, что ему следует обучать детей с раннего возраста, в семье, в детских садах и в школах. Как известно, в раннем возрасте дети усваивают любой язык, и даже несколько языков, быстро и без особых затруднений. Проблема заключается в том, как убедить молодых родителей в том, что важно и необходимо с самого раннего возраста общаться с детьми именно на родном языке.

Система дошкольного и школьного образования должна обеспечивать стопроцентное и достаточно глубокое знание абхазского языка выпускниками школ. Все это должно сочетаться с пропагандой ценности родного языка, его уникальности и важности для абхазской идентичности. Молодежь должна не только отлично владеть родным языком, но и щеголять своим знанием его и гордиться этим знанием. В среде молодежи следует внедрять осознание того, что быть абхазом – это и умение полноценно владеть абхазским языком – важнейшим элементом абхазской

национальной идентичности и важнейшим инструментом абхазской национальной культуры.

Чрезвычайно важным является создание таких условий, при которых и после окончания средней школы – и в высшей школе, и на производстве – абхазский язык для молодых людей стал бы повседневным рабочим языком, а не только языком бабушек и дедушек в деревне, что мы наблюдаем сейчас. Все это будет служить в качестве серьезной мотивации для выпускников школ и вузов для получения образования на абхазском языке, которое может, таким образом, быть по-настоящему востребованным в их дальнейшей жизненной карьере.

Особое внимание следует уделить созданию абхазоязычной молодежной среды, молодежной субкультуры на абхазском языке. Здесь могут помочь и молодежные телепрограммы, и рок, поп, рэп и другая современная музыка на абхазском языке. На телевидении особенно нужны интересные передачи на абхазском языке, затрагивающие проблемы молодежи. С точки зрения практических мер, отличным опытом является создание мультфильмов на абхазском языке (в том числе дублированных), которые с удовольствием смотрят дети, да и взрослые.

Следует предусмотреть создание молодежных организаций, практикующих преимущественное использование родного языка. В рамках этого можно также организовывать летние лагеря в горах, на природе, обязательным условием участия в которых было бы общение только на абхазском языке.

Чрезвычайно важной государственной задачей является создание малых предприятий или небольших фабрик в сельских районах с тем, чтобы молодые люди могли там найти работу, и таким образом оставались бы в селе и создавали там семьи, а не вынуждены были бы мигрировать в города в поисках трудоустройства. Существенным фактором в этом направлении является также создание спортивно-развлекательной инфраструктуры, инфраструктуры досуга в сельских районах с тем, чтобы уменьшить стремление молодых людей переехать в города.

5. Языковой режим

Представляется, что целесообразно ввести положение о *языковом режиме*. Организации, напрямую связанные с работой в области абхазской культуры (на-

пример, Абхазский Институт Гуманитарных Исследований, Фонд Абхазского языка и др.), а также ряд госучреждений, в том числе парламент, должны работать в режиме государственного языка. Для этих институтов и учреждений абхазский язык – имея в виду сотрудников, владеющих абхазским языком – должен стать по-настоящему рабочим языком, в том числе и языком делопроизводства этих учреждений. Но и здесь следует при необходимости сохранять принципы билингвизма: сотрудники, не знающие государственного языка или плохо им владеющие, должны иметь все возможности для работы на русском языке. Им следует предоставлять помощь для перевода абхазоязычных выступлений или текстов.

Для научных учреждений режим государственного языка не должен означать выпуска также и научной продукции на государственном языке. Здесь должна быть полная свобода в выборе языка исследования. Наука по своей сути интернациональна, и замыкание в рамках лишь своего языка может привести к стагнации. Хорошим примером для подражания может служить ситуация с научными учреждениями в Нидерландах. Хотя при бытовом и научном общении единственным языком там является голландский, большинство научной продукции в этой стране выпускается на английском языке, реже на других международных языках – французском или немецком. Однако исследования, касающиеся голландского языка, голландской истории, статистики, демографии, экономики, миграции, социальных процессов в стране и других внутри-голландских тем, публикуются на голландском языке.

Есть области, где уже сейчас можно расширять функции абхазского языка. Так, абхазский язык следует сделать рабочим языком парламента, с предоставлением незнающим язык синхронного перевода. Абхазский язык следует сделать одним из рабочих языков правительства, наряду с русским. Следует предусмотреть частичный переход работы и ряда других государственных учреждений на государственный язык.

В целом, перед нами стоит задача создания современной и конкурентоспособной абхазоязычной элиты, которая будет создавать современную абхазоязычную городскую культурную среду. Нужно создать сферы, ниши, особенно в горо-

де, где абхазский язык был бы востребованным, рабочим, функциональным языком.

Заключение

Ситуация с абхазским языком чрезвычайная, и потому требует она чрезвычайных мер. Если государством не будут созданы условия для расширения сферы функционирования абхазского языка, особенно в городе, по повышению его престижности и статусности, то наш язык может ожидать печальное будущее.

Прежде всего, следует добиться, чтобы образовательный процесс в рамках программы абхазской средней школы обеспечивал стопроцентное и полноценное знание ее выпускниками родного языка. Не менее важно добиться и того, чтобы это знание стало необходимым для продолжения учебы в высшей школе. Знание абхазского языка, наконец, должно быть востребовано, а в ряде случаев необходимо, и по окончании учебного процесса для успешного функционирования в различных сферах общественной, экономической и политической жизни абхазского общества.

Важно, чтобы люди были морально готовы к расширению роли, функций и сферы использования абхазского языка. Самая большая опасность – не дискредитировать саму идею полноценного функционирования абхазского языка в обществе. Ведь непродуманные, волевые, чисто административные меры по внедрению абхазского языка в важные сферы нашего общества, не подготовленные идеологически и материально, могут только помешать поставленной цели, вызвав эффект отторжения. Даже при наличии средств и других ресурсов может произойти их психологическое неприятие, как это произошло в обсуждаемом выше примере с ирландским языком. Здесь опасно медлить, но не менее опасно и перегибать палку.

Необходима умная и достаточно деликатная, с учетом многонационального состава нашего общества, идеологическая подготовка, сопутствующая реализации закона о языке и соответствующих программ. Весьма важно добиться такой ситуации, при которой представители всех этнических групп ощущали бы свою причастность к происходящим в республике процессам общественно-политического и культурного характера, в том числе и в рамках программ по укреплению позиций

государственного языка и расширению его функций. Этот процесс не должен создавать среди групп населения, для которых абхазский язык не является родным (к ним относятся и некоторое число городских абхазов) ощущения отчужденности или даже угрозы своим позициям в обществе. При этом весьма позитивным фактором является наличие мотивации у части граждан не-абхазской национальности выучить абхазский язык в той мере, в которой он им понадобится в жизни. Например, предварительные наблюдения в среде армянского населения показывают явно выраженную мотивацию к изучению государственного языка как инструмента включенности в общереспубликанские процессы.

В целом, нужно стремиться к созданию общества активного билингвизма, активного двуязычия, что подразумевает отличное владение как родным языком, так и русским языком. В качестве примера такой ситуации можно привести грузинское, армянское и азербайджанское общества в советскую эпоху, которые функционировали в условиях активного сочетания родных и русского языка.

Осуществление предложенных выше, а также, возможно, и других мер, как я полагаю, поможет приостановить нынешние негативные тенденции в сфере функционирования абхазского языка и на деле, а не на словах реализовать его государственный статус. При наличии мотивации, а она в обществе совершенно очевидно присутствует (см. приведенные в таблицах данные), а также умной, гибкой и деликатной политики, престиж и значимость абхазского языка можно значительно поднять, сделав его полноценно функционирующим языком не только сельской, но и городской среды, всех сфер жизни абхазского общества.

Результаты социолингвистического анкетирования

В процессе написания работы мной было проведено анкетирование с целью изучения ситуации с функционированием абхазского языка в городской среде, а также отношения респондентов к проблемам стоящим перед абхазским языком и к возможности расширения сферы его использования. Респондентами явилась небольшая группа (несколько более 50 человек) городских абхазов, имеющих высшее

гуманитарное образование и в основном выросших в абхазоязычных семьях. Выбор именно этой категории респондентов был обусловлен тем, что это – одна из наиболее благополучных групп с точки зрения владения и использования абхазского языка в городских условиях. Из числа опрошенных 87% свободно или хорошо владеют абхазским языком, почти 50% имеют абхазоязычных брачных партнеров, 48% родились в абхазском селе.

Один из главных итогов данного опроса – наличие, по крайней мере, в данной группе респондентов весьма высокой степени мотивации и готовности к существенному расширению функций абхазского языка как государственного. Несмотря на ограниченный масштаб исследования, можно с достаточной степенью уверенности предполагать, что этот вывод можно экстраполировать и на более обширный сегмент абхазского городского общества обладающего аналогичными выбранной категории респондентов характеристиками (свободное владение родным языком, высшее гуманитарное образование, высокий уровень понимания стоящих перед абхазским языком и абхазским обществом в целом проблем).

Не менее важным результатом опроса является выявление достаточно тревожной картины состояния абхазского языка даже в среде одной из наиболее благополучных – с точки зрения знания языка и высокой мотивации к расширению его функций – городских групп. Выясняется, что для большинства респондентов абхазский язык является скорее языком семьи, и лишь для одной трети – языком работы (см. табл. 7). То же касается языка профессионального общения – для 54% респондентов единственным рабочим языком является русский (табл. 9). 52% опрошенных легче изъясняются на русском языке, чем на абхазском, и лишь 17% излагают свои мысли одинаково легко и на абхазском, и на русском (табл. 13). 44% думают только по-русски, и лишь 31% – по-абхазски (табл. 14).

При этом примечателен существенный контраст между высокой мотивацией респондентов к расширению сфер употребления абхазского языка – что само по себе является крайне позитивным моментом – и его достаточно скромной ролью в реальной жизни части респондентов. Другим тревожным наблюдением является то, что вместо билингвизма, ожидаемого с учетом языковых характеристик респондентов (проживание с раннего периода жизни в селе, где абхазский язык доминирует,

абхазоязычный брачный партнер и т.д.), наблюдается явственная тенденция к монолингвизму, т.е. к активному употреблению лишь одного языка, при этом не родного, а русского. Это подтверждает общую тенденцию развития абхазского городского общества к монолингвизму, к отказу от использования родного языка, что нередко сопровождается с нежеланием передачи его своим детям.

Данный опрос, естественно, не претендует на всеобъемлющий характер, и выводы его могут рассматриваться лишь как предварительные, а само исследование является лишь первым шагом на пути всестороннего социолингвистического изучения состояния абхазского языка. Полученные результаты и выводы следует апробировать в рамках последующих, более масштабных исследований и опросов.

В ходе дальнейших исследований необходимо значительно расширить круг респондентов, который должен охватить и другие слои абхазского общества, различные социальные и возрастные группы сельского и городского населения (включая этнических абхазов обладающих слабым или недостаточно свободным знанием абхазского языка, а также этнически смешанные семьи). Весьма важным аспектом последующего исследования должно являться, в частности, и выяснение отношения к проблематике расширения функций государственного языка со стороны других этнических общин Абхазии.

Все это поможет создать более полную картину состояния абхазского языка в Абхазии и выявить отношение, степень мотивации и готовности различных групп населения к расширению сферы применения государственного языка как в рамках школьных и вузовских образовательных программ, так и в общественной жизни страны в целом.

Анкета, данные которой послужили основной для составления графиков и таблиц, используемых в данной работе.

1.	Имя	20.	Смотрю телепрограммы:
2.	Год рождения		(а) только на абхазском;
3.	Место рождения		(б) только на русском;
4.	Высшее образование		(в) на абхазском и русском;
5.	Национальность отца		(г) чаще на русском;
6.	Национальность матери		(д) чаще на абхазском
7.	Срок проживания в городе (с рождения, с ? лет)	21.	Каким языком предпочитаете пользоваться при разговоре на бытовые темы?
8.	Степень владения абхазским языком: (а) свободно; (б) хорошо; (г) хорошо понимаю, но плохо говорю; (е) плохо понимаю и не говорю; (ж) не понимаю и не говорю		(а) абхазским;
9.	Степень владения русским языком: (а) свободно; (б) хорошо; (в) удовлетворительно	22.	Каким языком предпочитаете пользоваться при разговоре на профессиональные темы?
10.	В каком возрасте овладел(а) абхазским? (а) с рождения; (б) сначала только русским, потом абхазским		(а) абхазским; (б) русским;
11.	Когда овладел русским? (а) после абхазского; (б) сразу только русским; (в) сразу наряду с абхазским		(в) абхазским и русским; (г) чаще абхазским; (д) чаще русским
12.	Какую школу окончил(а)? (а) абхазскую; (б) русскую; (в)	23.	Говорю на работе:
			(а) только на абхазском;
			(б) только на русском;
			(в) на абхазском и русском;
			(г) чаще на русском; (д) чаще на абхазском
		24.	На каком языке вам легче излагать свои мысли?
			(а) на абхазском;

<p>13.</p> <p>14.</p> <p>15.</p> <p>16.</p> <p>17.</p>	<p>грузинскую</p> <p>Сфера пользования абхазским языком: (а) в семье; (б) в кругу друзей; (в) на работе; (г) почти никогда</p> <p>Говорю в семье со старшими (родители, бабушка, дед, дядя, тетя):</p> <p>(а) только на абхазском;</p> <p>(б) только на русском;</p> <p>(в) на абхазском и русском;</p> <p>(г) чаще на русском; (д) чаще на абхазском</p> <p>Говорю в семье с мужем или женой</p> <p>(а) только на абхазском;</p> <p>(б) только на русском;</p> <p>(в) на абхазском и русском;</p> <p>(г) чаще на русском; (д) чаще на абхазском</p> <p>Говорю в семье с сиблингами (братья, сестры):</p> <p>(а) только на абхазском;</p> <p>(б) только на русском;</p> <p>(в) на абхазском и русском;</p> <p>(г) чаще на русском; (д) чаще на абхазском</p> <p>Говорю в семье с детьми:</p> <p>(а) только на абхазском;</p> <p>(б) только на русском;</p> <p>(в) на абхазском и русском;</p> <p>(г) чаще на русском; (д) чаще на</p>	<p>(б) на русском; (в) одинаково на абхазском и на русском</p> <p>25. На каком языке вы думаете?</p> <p>(а) на абхазском; (б) на русском;</p> <p>(в) на абхазском и русском;</p> <p>(г) чаще на абхазском; (д) чаще на русском</p> <p>26. Каким языкам следует обучать детей?</p> <p>(а) сначала абхазскому, потом русскому; (б) сначала русскому, потом абхазскому; (в) сразу абхазскому и русскому; (г) только абхазскому;</p> <p>(д) только русскому</p> <p>27. До какого класса следует учить детей полностью на абхазском?</p> <p>(а) до четвертого включительно;</p> <p>(б) до одиннадцатого (в) до 11, но это пока нереально</p> <p>28. Нужны ли школы с полным циклом обучения на абхазском языке?</p> <p>(а) нужны; (б) нужны, но пока это нереально; (в) не нужны</p> <p>Нужны ли вузы с полным циклом обучения на абхазском языке?</p> <p>(а) нужны; (б) нужны, но это пока нереально; (в) не нужны</p> <p>Нужны ли школы с частью предметов на абхазском языке после 4-го класса?</p> <p>(а) нужны; (б) не нужны</p>
--	---	--

<p>18.</p> <p>19.</p>	<p>абхазском</p> <p>Читаю газеты:</p> <p>(а) только на абхазском;</p> <p>(б) только на русском;</p> <p>(в) на абхазском и русском;</p> <p>(г) чаще на русском;</p> <p>(д) чаще на абхазском</p> <p>Читаю художественную литературу:</p> <p>(а) только на абхазском;</p> <p>(б) только на русском;</p> <p>(в) на абхазском и русском;</p> <p>(г) чаще на русском;</p> <p>(д) чаще на абхазском</p>	<p>31.</p> <p>32.</p> <p>33.</p> <p>Нужны ли вузы с частью предметов на абхазском языке? (а) нужны; (б) не нужны</p> <p>Входит ли для вас в понятие «абхаз(ка)» знание языка?</p> <p>Считаете ли вы, что существует опасность исчезновения абхазского языка?</p>
-----------------------	---	--

Таблица 1.

Таблица 2.

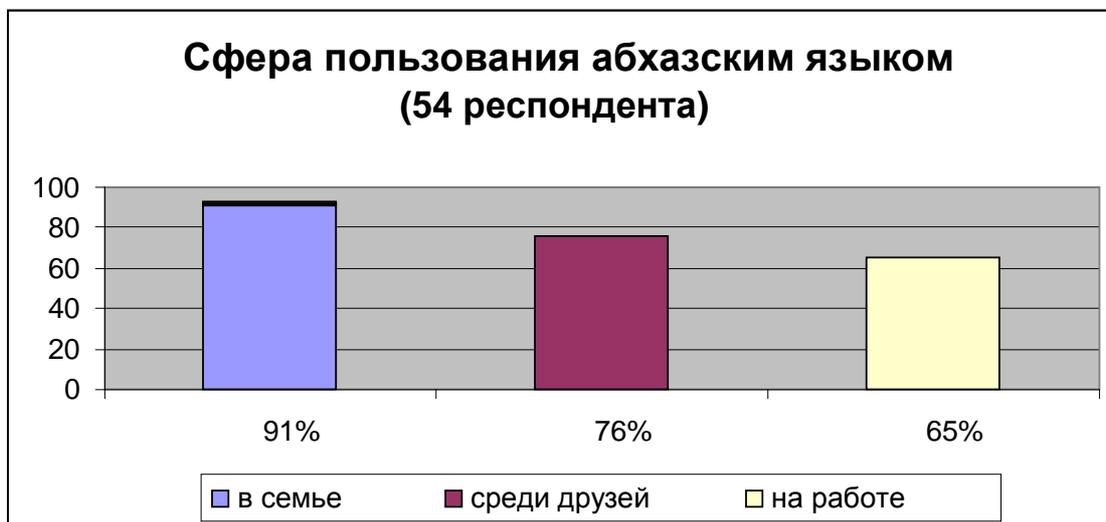

Таблица 3.

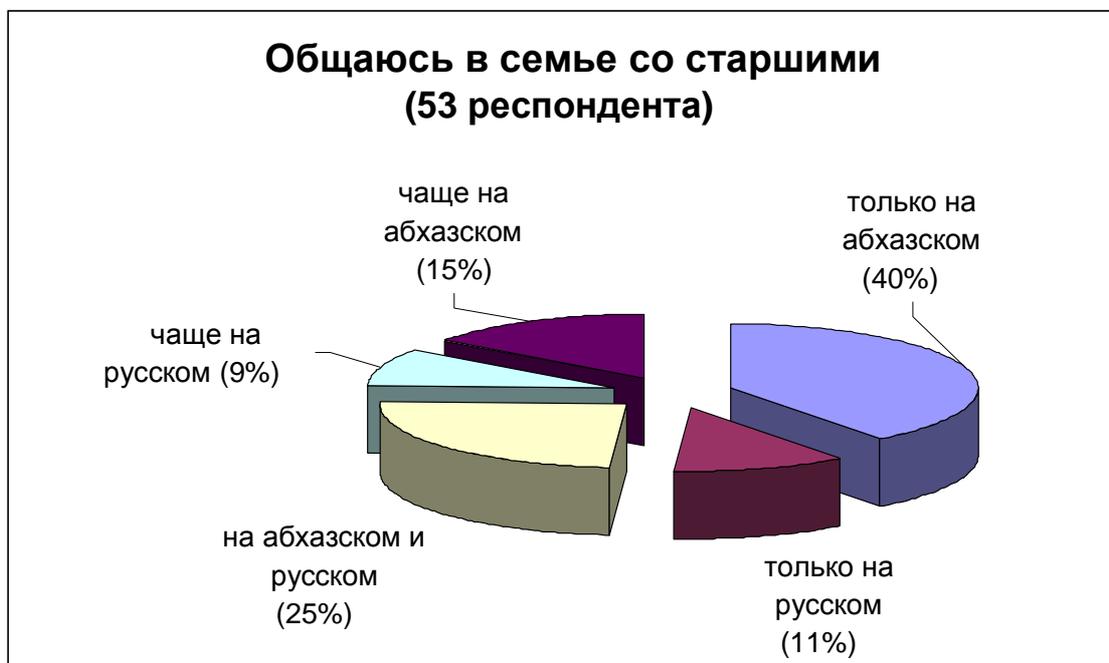

Таблица 4.

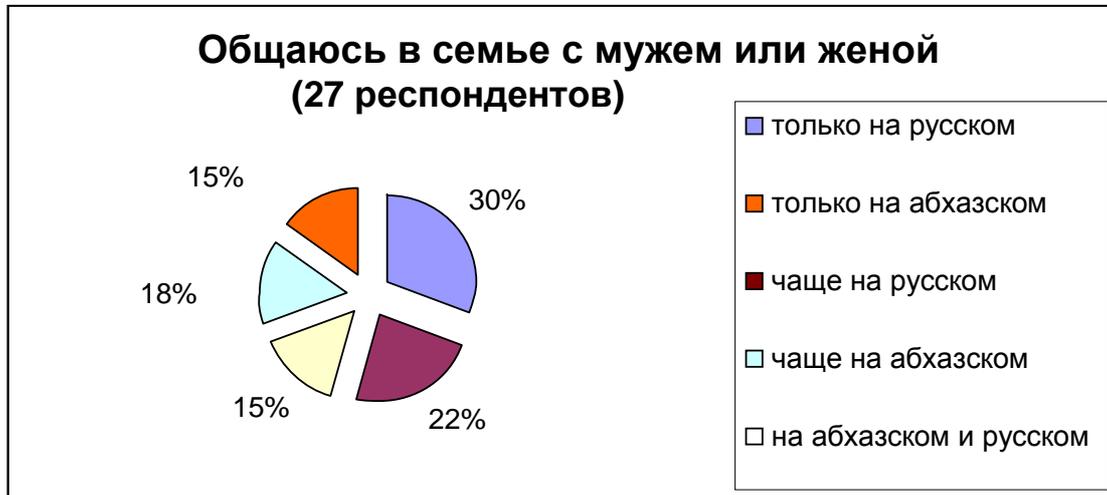

Таблица 5.

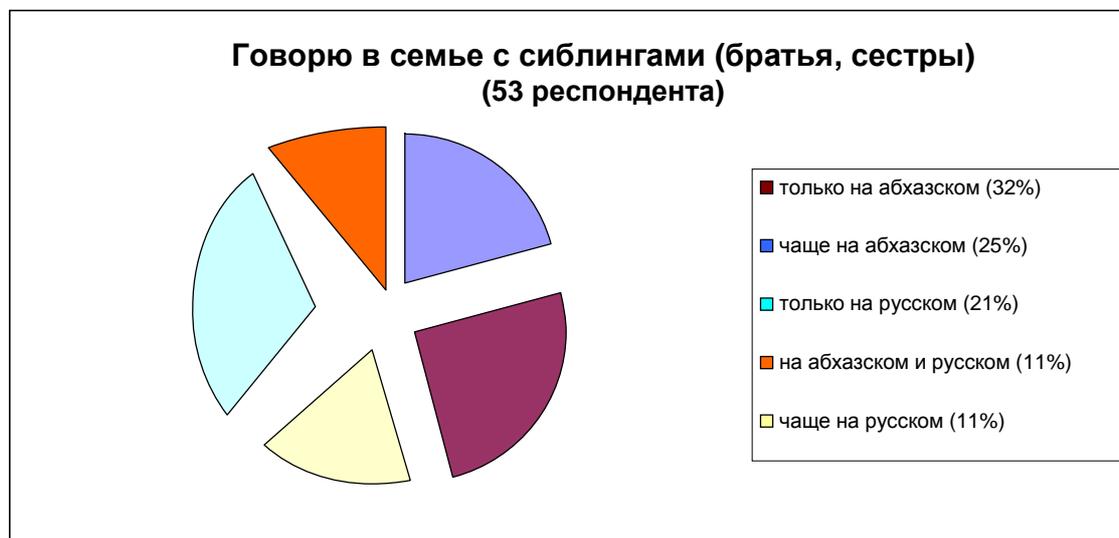

Таблица 6.

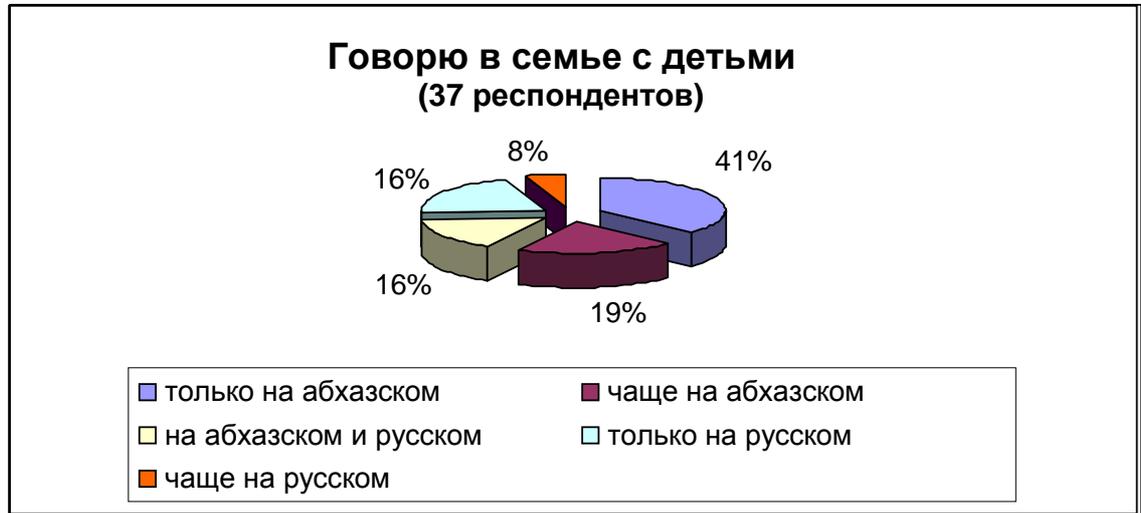

Таблица 7.

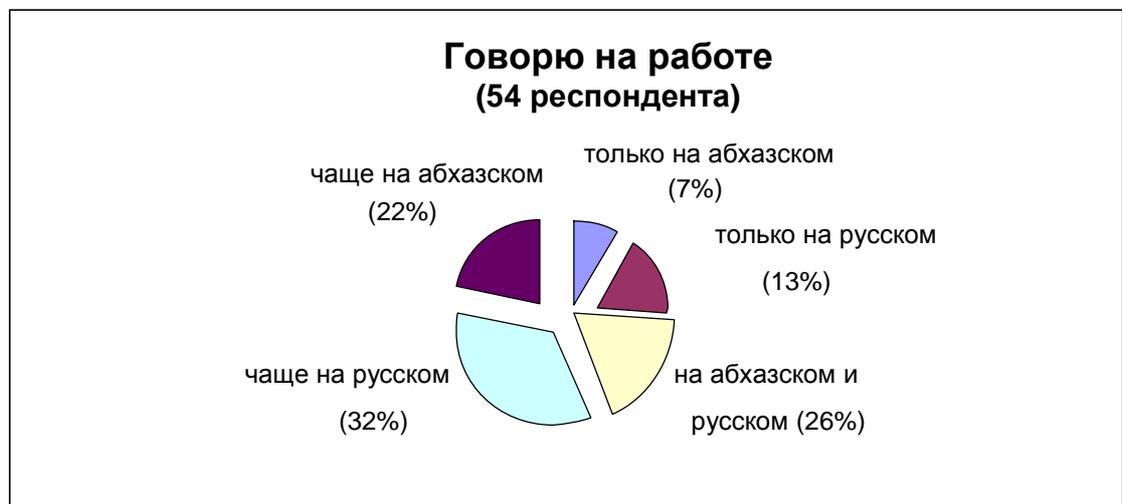

Таблица 8.

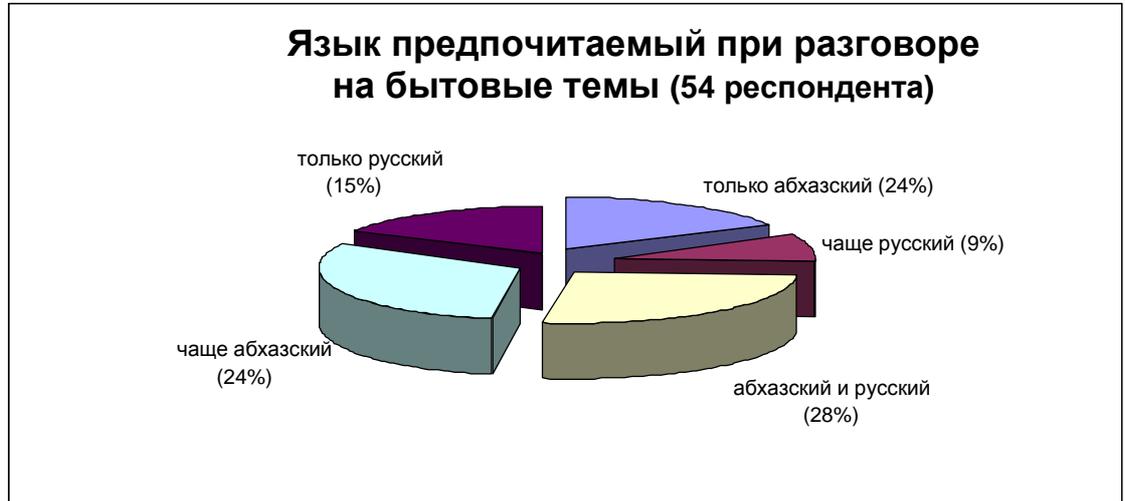

Таблица 9.

Таблица 10.

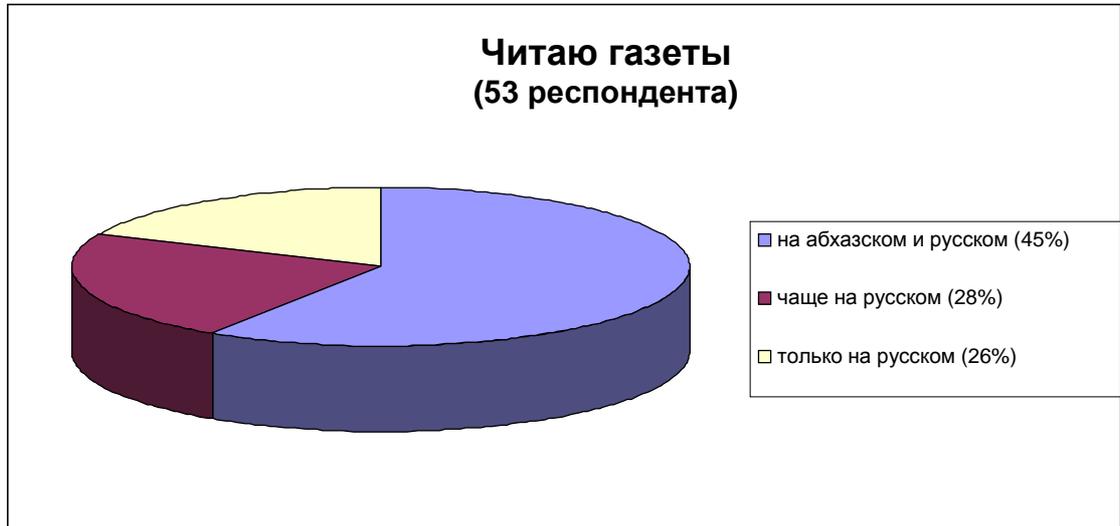

Таблица 11.

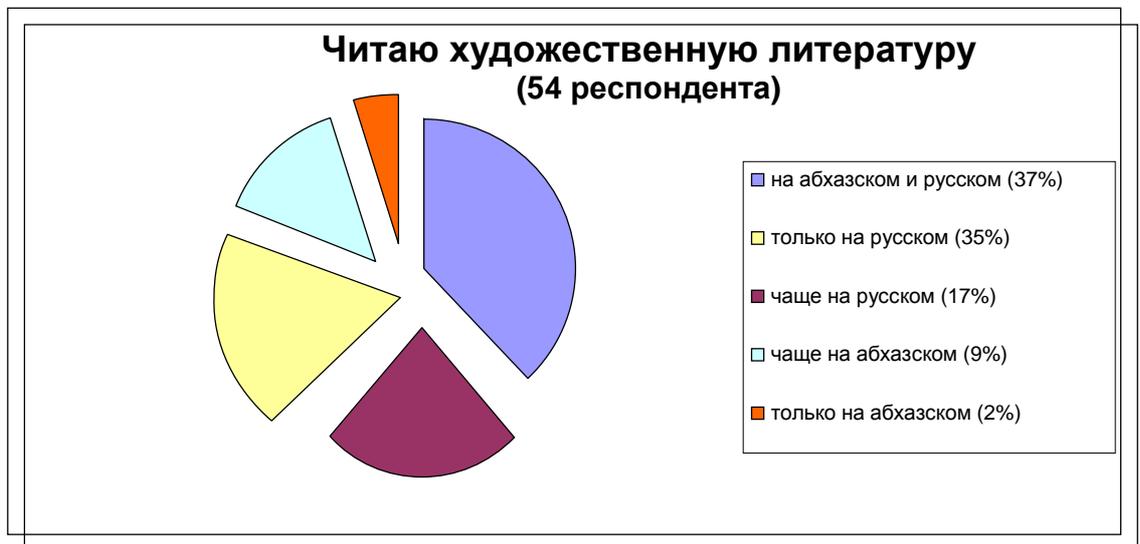

Таблица 12.

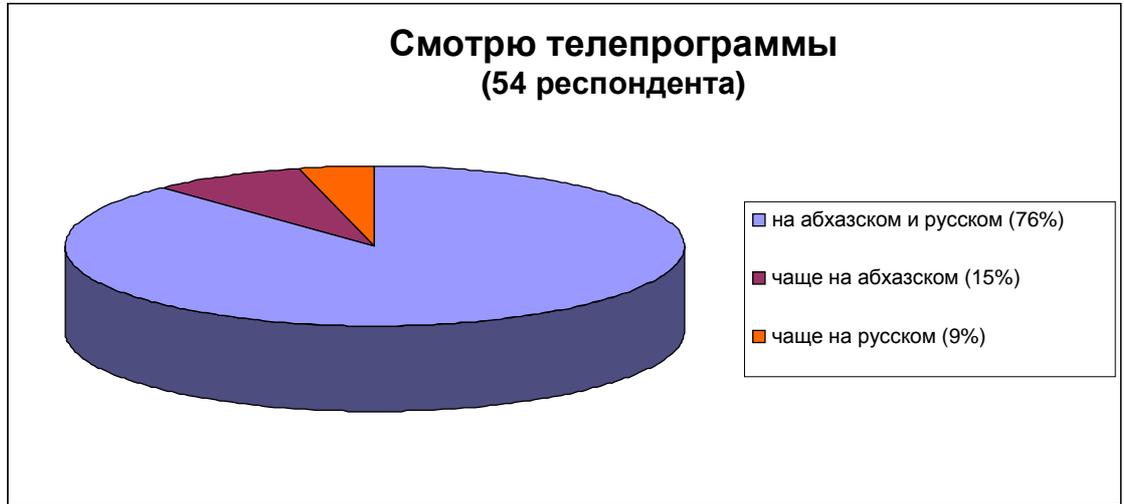

Таблица 13.

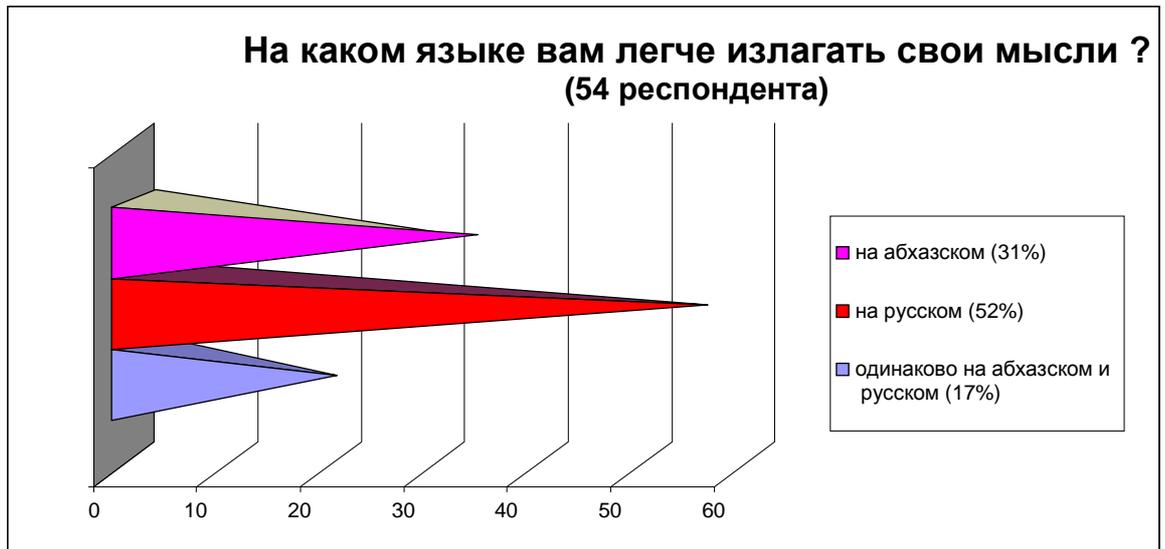

Таблица 14.

Таблица 15.

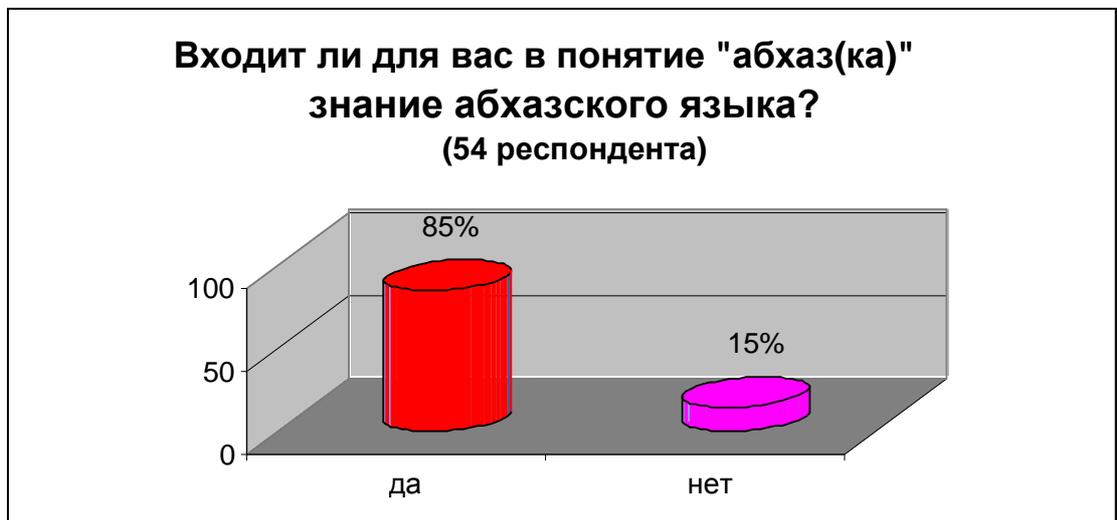

Таблица 16.

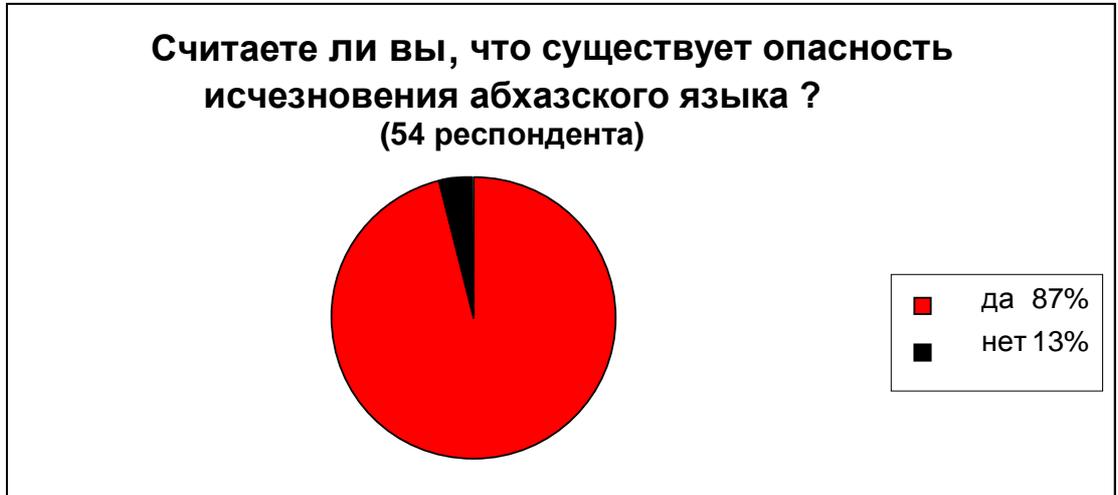

Таблица 17.

Таблица 18.

Таблица 19.

Предметы, которые 55 респондентов считают возможным преподавать в школе на абхазском языке.

предмет	да	нет	не знаю
	%	%	%
музыка	96	4	0
физкультура	96	4	0
география	89	5,5	5,5
история	91	5	4
анатомия	73	16	11
зоология	71	14,5	14,5
биология	58	20	22
математика	51	36	13
геометрия	43,5	43,5	13
алгебра	34,5	45	20
физика	27	47	26
химия	24	47	29

Таблица 20. В какой последовательности следует обучать детей языкам? (54 респондента)

Последовательность обучения	%
сначала абхазскому, потом русскому	63
только абхазскому	20
сразу абхазскому и русскому	13
сначала русскому, потом абхазскому	4

Таблица 21. До какого класса следует учить детей полностью на абхазском языке? (50 респондентов)

класс	%
до одиннадцатого	30
до четвертого включительно	32
до одиннадцатого, но это пока нереально	38

Таблица 22. Нужны ли школы с частью предметов на абхазском языке после 4-го класса? (54 респондента)

	%
нужны	89
не нужны	11

Таблица 23. Нужны ли вузы с частью предметов на абхазском языке после 4-го класса? (54 респондента)

	%
нужны	89
не нужны	11

Таблица 24. Должен ли абхазский язык быть рабочим языком следующих учреждений? (54 респондента)

учреждение	необходимо	желательно	билингвизм
	%	%	%
в госучреждениях	67	16,5	16,5
в парламенте	70	11	19
в кабинете министров	72	11	17